

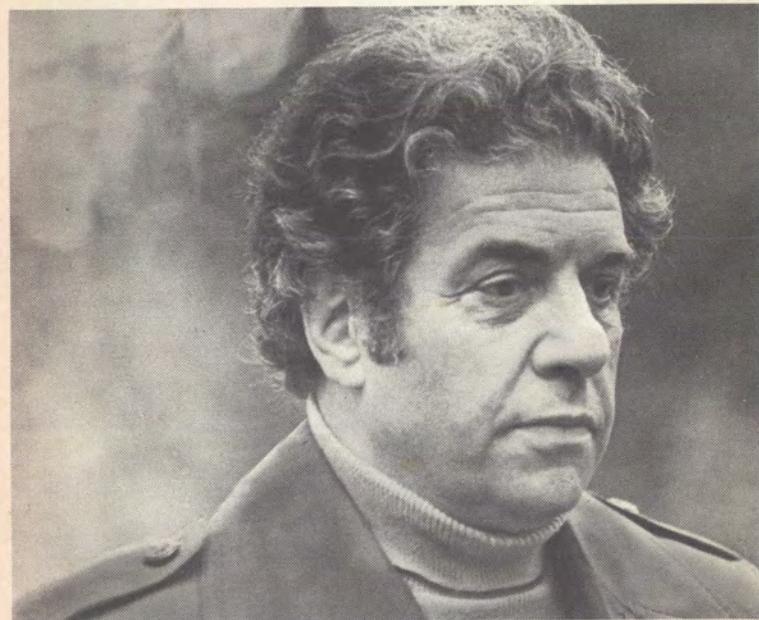
● **ПРЕДЛАГАЕТ ПРОКАТ**

Если вы любите выполнять своими руками все работы, связанные с благоустройством квартиры или летнего домика, вы можете взять напрокат слесарно-столярные инструменты.

Росбытреклама

ОГОНЁК

Юрий ГАЛЬПЕРИН

ПЕРВЫЙ ГЛАВКОМ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» №34

Юрий ГАЛЫПЕРИН

ПЕРВЫЙ ГЛАВКОМ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Юрий ГАЛЬПЕРИН

Юрий Мануилович Гальперин родился в Ленинграде в 1918 году. По комсомольской путевке был направлен в военную школу летчиков, которую окончил в 1938 году. Служил на Дальнем Востоке в авиационных частях. В годы Отечественной войны, распродав с семьей все имущество, внес деньги на строительство самолета. На именном самолете-штурмовике Юрий Гальперин участвовал в боях за Берлин.

После демобилизации около тридцати лет был одним из ведущих радио- и тележурналистов страны. Член Союза писателей. Живет в Москве. Автор более пятнадцати книг. Основные работы — документальные повести: «Полярные зори», «Ошибки не было», «Он был первым», «Человек с микрофоном» и др. Последняя книга, над которой автор работал двадцать лет, — повесть-хроника о первом поколении русских авиаторов — «Воздушный казак Вердена». Эта книжка — ее продолжение.

ПЕРВЫЙ ГЛАВКОМ

Имя этого человека исчезло из обращения более полувека назад, и сам он ушел из жизни без некролога в газете, хотя бы «от группы товарищей». А был достоин и большого.

Нет ничего удивительного, если и вы никогда не слышали о Константине Васильевиче Акашеве — профессиональном революционере, одном из первых организаторов Красного Воздушного Флота.

Собирая материал для книги о русских авиаторах первого поколения, особенно о тех, кто был по разным причинам несправедливо забыт, я случайно обнаружил в Военно-историческом архиве тоненькую папку с личным делом «О русском подданном, политэмигранте инженере-авиаторе Константине Акашеве», заведенном на него в 1915 году и через месяц закрытом. Потом в небольшой книжечке «Подвиги красных летчиков» сообщалось, что родился он в 1888 году, «за участие в покушении на Столыпина в 1908 году был сослан в Туруханский край, откуда бежал за границу... Принимал активное участие в Октябрьской революции».

Вот, собственно, все, что мог я тогда узнать, но этого же чертовски мало. И начались поиски.

Ни в каких справочниках, энциклопедиях имени Акашева все еще не было. Оставалось одно — архивы. Раз политэмигрант, до этого — ссыльный, — начал с фондов русской тайной полиции. А там находка за находкой. Сколько же мне «выдали» фактов сыщики да жандармы.

Спасибо им, но только за это.

Главный источник — «Ведомость о лицах, подлежащих розыску, обвиняемых в государственных преступлениях», которая рассылалась по городам и весям России несколько раз в месяц.

За что же разыскивают крестьянина Акашева, за что содержат в киевской тюрьме, требуют доставить в распоряжение прокурора Виленской судебной палаты, зачем отправляют в столицу?

Задержан во время нелегальной сродки на Туруханском острове в Киеве, известен как «руководитель группы анархистов-коммунистов», снова задержан, но уже под другой фамилией, «сношения с революционерами разных городов», «держал у себя на квартире скрывавшегося из Сибири...»

Судят его, оправдывают «за недостатком улик», снова сажают и судят, наконец упекают в Сибирь, ищут после побега...

Находят, но руки коротки. Теперь с него не спускает глаз русская заграничная агентура. И с его жены, Варвары Объедовой, с которой венчался в киевской тюрьме. И родители Варвары, живущие в Великих Луках под надзором полиции, семья «политически неблагонадежна».

Благодаря этим документам мне стали известны все приметы Акашева — от роста до цвета глаз, форма усов и бородки, кличка «Последний», под которой он наблюдался. Детально прослежен и маршрут его поездок по Европе, пока не осел в Париже.

Константину Акашеву 22 года. Окончил реальное училище в Двинске, собирался стать инженером.

Первый полет русского летчика Михаила Ефимова увлек новой мечтой — авиацией. И вот, оказавшись в Париже — авиационной Мекке Европы, Акашев решает: сначала — летчик, потом — инженер.

Все свободное время он проводит в ближнем городке Мурмелонле-Гран. Там сразу четыре летных школы: братьев Фарман, братьев Вуазен, фирмы «Антуаннет» и самого Блерио.

Живет он на деньги, которые посылает мать, Екатерина Семеновна управляет унаследованным Костей от отца небольшим земельным наделом. Теперь нужна сразу приличная сумма: кроме платы за обучение летному делу, берут солидный залог на случай поломки аэроплана. Все это Константин объясняет матери, запретив брать деньги у отчима, помещика Володина. Это из-за него в семнадцать лет он ушел из дома.

В Мурмелоне Костя узнает хорошую новость — итальянский инженер Капрони открывает у себя летную школу, и обучение там будет стоить много дешевле. В августе 1910 года Акашев уезжает в Италию.

Школа только создается, строится и завод. В новеньком ангаре механики собирали прибывший из Франции моноплан Блерио. Константину нравится Италия. И сам Капрони, как пишет Акашев, «производит впечатление симпатичного и честного человека».

Летать начали только в декабре. Обучали по принципу: «делай, как я». Ученик повторял действия инструктора, правда, не всегда удачно. В конце месяца первая авария, Константин упал, к счастью, с небольшой высоты. Сам цел, аппарат требует ремонта.

Не зря говорят: нет хуже без добра. Весь ремонт, сборку, регулировку аэроплана делают сами ученики.

Задержка в обучении устраивала Капрони, который тем временем заканчивал строительство аэроплана собственной конструкции. Инженер хотел первых питомцев выпустить уже на своем аппарате.

В мае 1911 года Акашев сдает экзамен на самолете «Капрони» и получает одним из первых в Италии звание пилота-авиатора.

Вернувшись в Париж, Константин, как и было задумано, поступает в Высшее училище аэронавтики.

Учеба, забота о семье не мешают Акашеву сводить новые знакомст-

ва. Так познакомился он с одним из соратников Ленина, Николаем Александровичем Семашко.

После возвращения из Италии еще больше возрос интерес к Акашеву в российском департаменте полиции. Революционер — летчик!

«Теперь находится в Мюнхене, откуда проедет в Берлин и потом в Россию, возможно, через Финляндию Константин Акашев... Акашев окончил авиаторскую школу... имеет паспорт на имя Константина Елагина, студента Московского университета. Цель поездки в Россию — применение аэропланов в террористических актах. Приметы...»

Телеграммы на все границы: «...Подвергнуть обыску, безусловно арестуйте...»

Не приехал Акашев. Но приехала в Россию к своим родителям Варвара Акашева, рожать вторую дочь, которую нарекут Еленой. Первая, Галя, родившаяся в Женеве, уже гостит у бабушки в Великих Луках.

...Весна 1914 года. Дети организаторов маевки, которую устраивают за городом политэмигранты, встречают приглашенных, чтобы проводить их до места сбора. Одиннадцатилетний Сережа Семашко вел туда высокого, кудрявого дядю Костю, который не только все знал об аэропланах, но и сам был летчиком. Мог ли думать Сергей Семашко, что через пятнадцать лет станет мужем дочери дяди Кости — Елены Акашевой.

Летом Константин Акашев успешно сдает экзамены в училище и получает диплом инженера — аэронавта-механика. А вот решать, где прилечь свои знания, не пришлось, началась война.

Как и несколько других русских летчиков, оказавшихся в то время в Париже, Акашев вступает добровольцем во французскую авиацию. Его направляют в первый авиационный полк, расквартированный в Дижоне.

Один из однокашников, с которым вместе ехали в полк, спросил Акашева:

— А жив ли ваш знаменитый Славо?

Так звали французы Харитона Славороссова, летчика-самоучку, сына одесского дворника Никанора Семененко, в прошлом азартного вело- и мотогонщика. Именно в пору своей спортивной карьеры Харитон выступал под именем Славороссова. Этот символический спортивный псевдоним теперь стал его фамилией.

В 1912 году летный талант начинающего авиатора был замечен на соревнованиях в Вене итальянским инженером Капрони, который пригласил его в свою фирму шеф-пилотом. Славороссов начал карьеру в Италии с установления национального рекорда скорости на самолете «Капрони», а затем один за другим побил все итальянские авиационные рекорды. Все! Газеты назвали его «смелым поэтом скорости».

Акашев, первый русский, окончивший еще раньше школу Капрони, восторгался успехами земляка, прославившего их общую фирму.

Вопрос спутника Акашева о Славо был не случаен. Весной 1913 года итальянское правительство проводило в Турине международный воен-

ный конкурс авиаторов. Надежда страны — новейшая модель самолета «Капрони», надежда фирмы и страны — «смелый поэт скорости».

Из первых девяти конкурсов Славороссов выиграл семь, а следом все газеты сообщили: «6 апреля на аэродроме Мирафиори во время полета русского авиатора Славороссова с пассажиром Галло внезапно произошел взрыв. Пассажир сгорел, умиравший авиатор в госпитале...»

Акашев с тревогой следил за сообщениями прессы о Славороссове. «...Он получил перелом левой ноги и пяти ребер, правая нога вся обгорела, кожа с лица сорвана... общее сотрясение мозга. 36 часов летчик находился в бессознательном состоянии. Врачи все же не теряют надежды вернуть его к жизни».

Обрадованный этой надеждой Акашев послал через фирму «Капрони» телеграмму Славороссову.

Все это было год назад. А теперь?

— Не только жив, но и снова летает! — ответил Акашев спутнику.

— Там же. у Капрони?

— Нет, наверное, тяжело было оставаться там, где потерял друга. Славо очень долго лечился в Турине, а потом переехал сюда, во Францию, и летает на фирме «Кодрон».

— Вы с ним знакомы?

— К великому сожалению, не успел. Он и сейчас был на соревнованиях в Вене. Смог ли вернуться?

Славороссова война застала в Вене. Спасаясь от интернирования, он с чужим, немецким паспортом добрался до Швейцарии, оттуда во Францию, тоже добровольно вступил в армию, в первый полк, но Акашева направили на доучивание в военную школу летчиков в Аворе.

И все же они встретились на аэродроме в Бурже. Славороссов очень обрадовался новому знакомству. Конечно, вспоминали Италию, Капрони, полеты там Славороссова, его трагедию.

— Знаете, как за вас переживали не только в авиационных кругах, меня все знакомые земляки расспрашивали. Я специально и итальянские газеты покупал, чтобы выловить весточку. Французы тоже много писали, но в самом начале, а как сообщили, что вы на поправку пошли, интерес у прессы пропал. Закон сенсации.

— Да и на самом деле, что я им?

— Вы цены себе не знаете, такой летчик...

— Не преувеличивайте, вот если б поучиться... Я же всего ремесленное окончил, на паровозного машиниста. Малость поплавал, потом в велосипедной мастерской работал, так и в гонщики подался. Все Уточкина перегнуть хотел.

— Ого! Самого Уточкина? Ну и как?

— Сначала, а вообще-то мы дружили с ним, за ним и в летчики потянуло.

— Интересная у вас жизнь... А летчик вы от бога! Да не машите, это верно. Вот вернемся в Россию, Харитон...

Год 1915-й. Петроград.

Телеграмма из Гельсингфорса:

«Торнео арестован прибывший за границы Константин Акашев».

Ух, какой жирный восклицательный знак поставил на телеграмме замещавший директора департамента полиции Васильев, такая уж у него радость. А резолюция лаконичная: «Акашева препроводить по этапу в распоряжение Енисейского губернаторства».

Это я рассматриваю его полицейское досье. Что же это он так смело явился, да еще под своей фамилией? Нет, тут что-то не просто, Константин Васильевич, видимо, все рассчитал. Посмотрим...

Так и есть. Узнаем, что прибыл он «по свидетельству, выданному в Париже русским военным агентом 9 марта 1915 года за номером 276. При обыске обнаружены два прошения...».

Это свидетельство я тоже нашел уже в другом архиве, военном. Выдал его граф Игнатьев, впоследствии генерал-лейтенант Советской Армии, известный писатель. Акашев ехал в Россию вступить в ряды защитников родины. Что же до прошлого, то в 1913 году был объявлен царский Манифест, который и его освобождал от наказания за старое.

Вот-вот, в полицейском деле рукописная записка того же Васильева: «...об Акашине справиться относительно применения к нему Манифеста. Если Манифест применен не будет, то нужно, не откладывая, сообщить губернатору и жандармскому управлению о тщательном и неустанном наблюдении за этим лицом, которое благодаря своим познаниям по авиации может являться весьма опасным...»

Уже выписаны сопроводительные документы для отправки в Сибирь, строгая инструкция о «неустанном наблюдении чинов, исключаящих условия совершения побега».

И о применении Манифеста есть издевательский ответ; вопрос этот «будет разрешен только лишь в том случае, если Акашев по водворении его в места административной ссылки, возбудит ходатайство об этом».

Акашев не сдастся. Не хочет он возвращаться к енисейским жандармам, упрячут, а там проси не проси... Константин Васильевич тут же подает прошение о прекращении дела, каким-то образом добивается поддержки двух влиятельных депутатов Государственной думы и членов Государственного совета Офросимовым и Черносивитовым.

Отбилась от жандармов Акашев, он свободен!

Вот теперь и занимает свое место в ряду описываемых событий та самая тоненькая папочка, что была найдена в Военно-историческом архиве. Прощение о вступлении в ряды действующей армии, переписка высших чинов русской авиации, включая великого князя Александра. «Петроград. Увофлот, генералу Фогелю. Строевой отдел сообщает, что инженер Акашев, служивший в авиационных частях французской армии, желает поступить к нам. Прошу его повидать, расспросить и сообщить впечатление. Александр».

Решающее «впечатление» сообщили жандармы, и в деле появилась резолюция: «Ввиду получения неблагоприятного отзыва о политической неблагонадежности ... отказать». Дело закрыто.

Акашеву ничего не остается, как поступить на авиационный завод, где ему очень обрадовались. Но начальник петроградской охранки отметил это по-своему: «В связи с поступлением его на аэропланый завод Лебедева, по моему распоряжению за Акашевым установлено наружное наблюдение».

В том же 1915 году Харитон Славороссов, героически отличившийся в боях, удостоенный высоких наград, с почетом отпущен из французской армии.

Тоска по родине, да и раны давали знать о себе.

Приехав в Петроград, Славороссов останавливается у приятеля, который хорошо знаком с Акашевым. Мир тесен.

Заводчик Владимир Лебедев — одаренный инженер, летчик, в прошлом вело- и автогонщик, встретил Славороссова восторженно:

— Харитон Никанорович, дорогой, вы-то мне и нужны, вас сам бог послал!

— А привел я, — смеется Акашев.

...Жили Акашевы в одном из самых живописных районов Петрограда — на Каменном острове, больше напоминавшем парк. Квартиру сняли на тихой Песочной улице. Здесь у них родилась третья дочь, Ия.

Каждое утро Константин Васильевич отправляется на испытательную станцию завода Лебедева, осматривает предъявленные к сдаче самолеты, испытывает их в воздухе. Рядом станции других столичных заводов: Щетинина, Слюсаренко, авиационное отделение Русско-Балтийского завода. Работает на них не так уж много людей, около четырех тысяч, но зато рабочие высочайшей квалификации, мастера.

В начале 1916 года Акашева приглашает Щетинин на должность помощника директора по технической части, а к концу года его зазвал к себе Слюсаренко.

Переходы эти несложны, все на одном аэродроме, а вот знакомство с новыми конструкциями, организацией производства инженеру Акашеву интересны. Идет накопление опыта.

На всех заводах к Константину Васильевичу относятся с уважением. Отменный инженер и летчик, демократичный, хотя и требовательный, администратор, к людям внимателен, никакого барства. Немногие знают, что Акашев, секретарь Петроградского клуба анархистов-коммунистов, близок к большевикам.

Февральскую революцию встретили на заводе как большую победу, многие рабочие дрались с городскими, разоружали монархистов, добыли оружие для своей боевой дружины.

На митинг собрались не только заводчане, пришли жители ближайших улиц. Настроение у всех праздничное.

Первым поздравил собравшихся хозяин завода, сам Слюсаренко:

— Мы с вами, братья, одержали великую победу!..

Акашев стоит в группе рабочих своего отделения, улыбается, слушая велеречивую речь хозяина. «Хорошо поет, где-то сядет», — произносит кто-то позади, словно читая мысли инженера.

Они еще столкнутся, когда Акашев поддержит рабочих, а «либерал» Слюсаренко и вовсе убежит в Америку..

Наступил памятный апрель. Партячейка завода вывела авиастроителей на встречу Ленина. Это они в мае семнадцатого заняли под клуб загородный ресторан «Вилла Родэ» в Новой деревне и пригласили на его открытие Владимира Ильича. Ленин приехал к ним вместе с Луначарским.

Это их боевая дружина 3 июля охраняла участников митинга у Казанского собора и дала вооруженный отпор казакам.

Я описываю эти события по воспоминаниям их участника, большевика Константина Дмитриевича Ильинского, полковника Советской Армии. В этой оставленной Ильинским рукописи самым главным для меня были несколько строк: «Нам оказывал довольно большую помощь директор отделения инженер-летчик Акашев.»!

Да, и в июле семнадцатого, когда напуганный влиянием большевиков Слюсаренко объявил о закрытии завода, Акашев призвал на митинге национализировать предприятие, а рабочие решили хозяина на завод не пускать. Управление принял на себя завком.

Как бы продолжая хронологию событий лета семнадцатого года, читаю в официальной биографии: «Неизменно поддерживая ленинскую программу, Акашев, участвуя в конференции Всероссийского союза металлистов, организовал там группу инженеров-большевиков...»

Автору ясны его политические позиции, способность действовать по обстановке, не дожидаясь чьих-то указаний, ибо в основе всего, что рассказываю об Акашеве, лежат документы, публикации первых послереволюционных лет.

В самый разгар поисков я не знал дальнейшей судьбы Константина Васильевича, хотя и подозревал недоброе. Почему нет имени Акашева в персоналиях Ленинской библиотеки, в ее военном отделе? Почему оно исчезло из телефонного справочника второй половины тридцатых годов? Отчего не могу найти ничего о нем в библиотеке Исторической, хотя там библиографы всячески старались мне помочь. А искал я объяснения в высшей степени загадочной для меня фразы из его воспоминаний в связи с пятилетием Октября: «...Я вывел из Зимнего-Дворца артиллерию?»

В день штурма Зимнего мы, судя по литературе, ничего о пушках не слышали. Знаем, что обороняли Зимний юнкера, школа прапорщиков, женский ударный батальон... А вот артиллерия?..

Просмотрел в Историчке все каталоги, относящиеся к октябрьским событиям в Петрограде, никаких намеков на пушки. Но разве можно в 1922 году, когда живы тысячи участников тех событий, опубликовать в журнале неправду? Да и не такой человек Акашев, чтобы сочинять небывальщину. Я уже совсем отчаялся, когда библиограф принес мне какой-то затрепанный, отпечатанный на машинке список литературы об Октябрьской революции, когда-то составленный на кафедре Военно-политической академии:

— Может быть, здесь что-нибудь наведет вас на след Акашева.

Рукопись толстенная, экземпляр «слепой», опять повторяются уже известные источники. Бросил бы, но неловко перед человеком, который так старается помочь. И вдруг... «К. Акашев «Как ушла артиллерия из Зимнего-Дворца 25 октября 1917 года». «Былое» № 27—28. 1924 год!!!

— Ура! — заорал я, забыв где нахожусь.

— Что вы себе позволяете?!

— Что такое! — возмутились оторванные от занятий люди.

— Простите, товарищи, — опомнился я, — но случилось невероятное, чудо случилось, нашел такое, чего, ручаюсь, не знает никто из вас! Если хотите...

Пока библиограф отправилась за книгой «Былого», я рассказываю об Акашеве нескольким человеком, сидевшим в нашем закутке.

Приносят «Былое», и я, еще не веря в такую удачу, читаю вслух воспоминания Константина Васильевича...

Меня не только простили, но и трогательно поздравили. Было с чем.

Находка эта случилась уже после выхода моей книги «Воздушный казак Вердена». В повести лишь малая часть пути Акашева. Самое главное найдено лишь теперь.

Вернемся к лету семнадцатого года. 25 августа поднял контрреволюционный мятеж генерал Корнилов.

Большевики призвали рабочих к защите Петрограда, подавлению мятежа. На заводах создавались новые боевые отряды. Кто не мог выступить с оружием, шли на рытье окопов.

А что же Акашев? Он решил помочь самым действенным образом — предложить организовать разведку с воздуха. Свой план он изложил в штабе Петроградского военного округа.

— Спасибо, — поблагодарил Акашева комиссар Временного правительства Филоненко, — у нас уже есть все необходимые данные. Вы можете нам иным образом, товарищ Акашев, — пошлем вас комиссаром в Михайловское артиллерийское училище.

— Меня? — искренне удивился Акашев. — Я же летчик, с артиллерией никогда дела не имел, что я там...

— А вам и не нужно стрелять из пушек, а вот они в руках монархистов. Необходимо навести порядок в училище, если хотите защищать революцию. Дело важное и срочное, вы, надеюсь, понимаете?

Пришлось согласиться. Так Акашев стал комиссаром в Михайловском училище.

Поднимаясь в кабинет начальника училища, он услышал, как группа юнкеров распевала «Боже, царя храни», крики «Да здравствует белый генерал!».

Человек решительный, Акашев первым делом собрал солдатский комитет, с его помощью сориентировался в обстановке.

Явных монархистов в артиллерийских расчетах заменил солдатами

и лево настроенными юнкерами, переставил кое-кого из офицеров, организовал дежурство членов солдатского комитета.

Когда корниловская авантюра провалилась, Акашев решил, как он пишет: «ликвидировать свое «комиссарство». Но группа офицеров-социалистов и главным образом солдаты обратились в Петроградский Совет и Штаб округа с ходатайством об оставлении меня. Мне было предложено остаться в училище...

Так продолжалось до Великих Октябрьских дней, когда Петроградский Совет отдал свой знаменитый приказ о подчинении гарнизона Совету, а не командующему Округом.

В училище начались волнения. Юнкера, около трехсот человек, заявили категорически, что будут защищать Временное правительство. Команда солдат, тоже человек триста, стояла за Советы...

Среди офицерского состава была полная растерянность. Спрашивали меня, что делать? Зная, что юнкера будут драться против Советов, я повел среди офицеров разговоры о том, что юнкера — дети, их надо беречь, а за Временное правительство должен сражаться «сам народ». Короче говоря, из двух зол надо выбирать меньшее, и я агитировал за «нейтралитет».

Комиссарские обязанности Акашева не были службой, требовавшей постоянного присутствия в училище. Он не отключался от жизни завода, выступал в солдатских казармах, поддерживая противников продолжения войны, твердо отстаивая большевистские позиции.

В конце Октября большинство воинских частей, красногвардейцы на заводах Петрограда были готовы к выступлению, ждали команды Военно-Революционного Комитета, находившегося в Смольном.

Акашеву не удалось помешать отправлению двух батарей училища в Зимний Дворец для охраны Временного правительства. Что делать? Вот-вот рабочий Петроград пойдет на штурм Зимнего. Как ни мало там пушек, но сколько людей погубят юнкера, стреляя чуть не в упор?! Какой кровью будет оплачен Зимний...

«Я должен что-то предпринять, никогда не прощу себе, если не попытаюсь».

25 октября 1917 года.

«Мне довольно легко удалось пробраться до Дворцовой площади, откуда свободно прошел в Зимний-Дворец. Было около семи часов вечера... временами накрапывал дождичек.

Артиллерия помещалась во внутреннем дворе.

Курсовые офицеры, командовавшие батареями, встретили меня с радостью и стали расспрашивать, что происходит в городе. Они ничего не знали, так как с раннего утра были отрезаны от внешнего мира. Я им рассказал о переходе на сторону Советов всего Петроградского гарнизона, добавив, что всякое сопротивление ни к чему, а будет только излишним кровопролитием.

Отведя в сторону капитана Братчикова, командовавшего всей артиллерией, сказал ему, что начальник училища приказал юнкерам с орудиями

ями отправиться в училище и не участвовать в защите Временного правительства.

В действительности такого приказа не было. Капитан Братчиков объяснил мне, что юнкера откажутся покинуть Зимний Дворец, так как незадолго до моего прихода состоялось общее собрание частей, находившихся во Дворце, на котором по инициативе юнкеров Михайловского училища было предложено желающим покинуть Дворец, чтобы оставшиеся могли учесть свои действительные силы.

После этого собрания некоторые колебавшиеся части покинули Зимний, а оставшиеся возлагали главную надежду на артиллерию...

Капитан Братчиков был одним из наиболее интеллигентных офицеров, считался социалистом. Он соглашался со мною, что лучше всего юнкерам уйти от Зимнего, но... при создавшемся положении...»

Разговаривая они подошли к комнате, где размещались офицеры других частей.

«Я узнал, что Временное правительство вело переговоры со штабом Северного-Фронта о присылке подкреплений для борьбы с Советами.

Офицеры говорили с иронией, что из городской телефонной сети Дворец был выключен, но большевики забыли повредить прямой провод со штабом Северного Фронта. Настроение у них было бодрое. Говорили, что до утра продержатся своими силами, а к тому времени подойдут свежие части из Пскова.

Создавшаяся обстановка еще более убедила меня в необходимости ухода артиллерии из Зимнего-Дворца...

Тогда я предложил капитану Братчикову следующий план: отдать юнкерам приказ вывести орудия на Дворцовую площадь, не говоря о дальнейших действиях».

План Акашева был точно рассчитан психологически — войсковой строй, да еще в движении, автоматически выполняет приказы. Юнкера, выехав в конном строю на Дворцовую площадь, по команде Братчикова на рысях последуют за ним. А училище рядом.

Приказ был отдан, юнкера подвели лошадей к орудиям, начали запрягать. Приготовления артиллеристов заметили в штабе обороны Дворца, Братчикова нашел дежурный адъютант и повел его в штаб.

Заволновались юнкера, заподозрив неладное: «окружив меня, требовали объяснений. Я сказал, что действую согласно указаний начальника училища, и никаких объяснений давать не намерен...»

Уверенный тон Акашева подействовал, юнкера вернулись к орудиям. Появился Братчиков, «бледный, взволнованный, и передал мне, что в своих объяснениях он сослался на меня».

Из штаба послан офицер разыскать Акашева, который, пользуясь наступившей темнотой, прятался в глубине двора.

Зацокали копыта лошадей, артиллеристы тронулись, направляясь к воротам. Акашев сел на подготовленную для него лошадь. Кто-то указал на него офицеру штаба, тот нагнал Акашева:

— Кто вы такой, почему распоряжаетесь?! — кричал офицер.

«Я делал вид, что не могу справиться с лошастью. На вопросы отвечал, что сам плохо понимаю, что тут происходит, стараясь поскорее выехать на Дворцовую площадь, я был в конце колонны...

Все произошло, как и было задумано, — едва выехав из ворот, Братчиков повел колонну на рысях через Дворцовую площадь, к арке, что вела к Морской улице. Увидев, что пушки ушли, офицер схватил мою лошадь под уздцы и, наставив на меня револьвер, объявил, что я арестован. Подбежавшие юнкера других училищ окружили меня... В это время к толпе окруживших меня юнкеров подошел Станкевич, бывший Верховный комиссар Ставки. Юнкера расступились. Со Станкевичем я не был знаком и знал его только по фотографиям. «Здравствуйте, товарищ Станкевич», — сказал я, направляясь к нему с протянутой рукой. Возмущаясь, я стал протестовать — почему меня арестовывают, угрожают револьвером. Видя, что мой «маневр» удался, стал выражать еще большее «негодование»...

Станкевич растерялся, сказал, что сейчас же затребует объяснения в штабе, куда и пошел. Отношение юнкеров ко мне после обмена рукопожатиями со Станкевичем сразу переменялось. Со мной стали почти-тельно.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Акашев громко объявил, что сам пойдет объясняться в Штаб округа, который находился на Дворцовой площади. И, не дожидаясь согласия, уверенно зашагал к выходу мимо расступившихся юнкеров, на попечение которых оставил его офицер, поспешивший вслед за Станкевичем.

Быстро обогнув в темноте здание Штаба, Акашев вышел к набережной Мойки.

«В темноте меня окликнули. Я остановился. Ко мне подошли два солдата с винтовками. — «Откуда идешь?» — «Из Зимнего-Дворца». — «Вот этих нам и надо». — «Вы советские?» — «Да, мы стоим за Советы».

Под конвоем меня провели в казармы Павловского полка, где находился штаб, руководивший осадой Зимнего-Дворца...

Там я встретил своих товарищей по военной секции Петроградского Совета, и мы стали делиться новостями о последних событиях.

К 12 часам ночи Зимний-Дворец был взят. Временное правительство арестовано.

К. Акашев».

Эти воспоминания, опубликованные в 1924 году, сопровождалось примечанием автора: «Вышедшие на другой день газеты, преимущественно беспартийные, описывая взятие Зимнего... упоминали вкратце о внезапном уходе артиллерии из Дворца, объясняя это действиями «самозванного комиссара». Подробных сведений об этом эпизоде... насколько я знаю, в нашей печати нет. По не зависящим от меня обстоятельствам я не мог до сих пор дать подробного описания обстановки и причин ухода артиллерии... В своем очерке я старался беспристрастно изложить события, участником которых был, не делая ни выводов, ни заключений. Моей целью было дать исторический материал».

Арест Временного правительства был первым победным шагом Октябрьской революции. С той минуты ей предстояло день за днем укреплять власть Советов.

Под Петроградом готовились к штурму войска генерала Краснова, направленные с фронта для подавления революции.

Военно-революционный комитет решил вызвать на помощь подкрепления. Ближайшая надежная опора большевиков — 5-я Армия, в штаб которой, находившийся в Двинске, необходимо срочно доставить письмо. Один из руководителей ВРК, Константин Александрович Механошин, предложил Акашеву немедленно вылететь в Двинск.

— Константин Александрович, нет в Петрограде самолета, который мог бы без посадки долететь до Двинска, — объяснял Механошину Акашев, — придется садиться в Пскове, а это опасно. Могут задержать. Да и погода... Посмотрите в окно, что делается.

— Тогда поездом. Раз уж вы здесь, вам и ехать.

«Долго искали денег на дорогу, так как ни у кого их не было, — вспоминал Акашев. — И наконец пошли к товарищу Ленину.

— Вы коммунист? — спросил он меня, роясь в своем кошельке.

— Нет, я анархист.

— Ну, это лучше, — сказал он улыбаясь. — Вот все, что есть в нашей революционной кассе.

Получив тридцать рублей дензнаками семнадцатого года и имея своих около сорока рублей, я в тот же вечер отправился в дорогу.

Я полагал из Гатчины добраться поездом до Двинска...

Когда я прибыл в штаб советских отрядов под Красным Селом, где тогда командовал товарищ Чудновский, оказалось, что идет бой и до утра нечего было думать о переходе линии фронта.

К утру казаки перешли на нашу сторону, а Краснов и Керенский бежали. Царскосельское радио приняло известие о движении полков в Петроград, на подмогу нам, и я решил вернуться обратно».

Доложив Механошину, Акашев вернул ему взятые у Владимира Ильича деньги и спросил:

— Что мне дальше делать, я в вашем распоряжении...

— Дел у нас невпроворот. Мы решили собрать здесь, в Смольном, представителей авиационных частей. Что, Константин Васильевич, нам нужно предпринять в первую очередь организационно? Продумайте. Да можем ли мы срочно, сразу послать на помощь финским товарищам самолеты, военные, конечно.

— Кажется, возможно. Керенский вызвал с фронта в Гатчину 12-й авиаотряд. Летчик Томсон из этого отряда передал мне с верным человеком письмо, спрашивал: что делать? А Томсона я знаю еще по Франции. Ответил, прилетайте в Петроград. Знаю, что они сместили командира и должны быть здесь, на Комендантском аэродроме.

— Что за человек этот Томсон?

— Настроен революционно, богатый боевой опыт: воевал во Франции и здесь.

— Пожалуйста, выясните все точно: чем они располагают, насколько надежны люди, можно ли Томсона командиром?

31 октября в Смольном, на двери комнаты 73 появилась бумажка: «Штаб авиации». Там собрались комиссары частей Петроградского гарнизона, представители заводов, всего около двадцати человек.

В воздушном флоте России к октябрю семнадцатого года насчитывалось более трехсот различных частей, учреждений, учебных заведений, до 35 тысяч солдат и офицеров, около полутора тысяч самолетов.

Управление воздушного флота (Увофлот) ведало воздушными силами внутренних военных округов, учебными заведениями, техническим снабжением фронтовых частей, размещением заказов на всю технику и оружие, заграничными поставками.

Боевым применением авиации ведала Канцелярия полевого генерал-инспектора авиации и воздухоплавания при Ставке Верховного главнокомандующего — Авиаканц.

Увофлот с первых же дней саботировал распоряжения Советской власти. Именно об этом управлении шел серьезный разговор на совещании в Смольном. Там уже побывали инженер Ермолаев, летчик прапорщик Можаяв и авиамеханик, унтер-офицер Андреев (последний станет крупным ученым, генералом Советской Армии).

Можаяв и Ермолаев докладывали свои предложения весьма своеобразно, как вспоминал об этом Акашев: «В Увофлоте гнездо, банда, шайка. Всех их надо разогнать, арестовать, судить...»

В самый разгар дебатов об Увофлоте пришел председатель ВРК Подвойский. Он умерил пыл сторонников крайних мер, предложив установить там надежный политический контроль, послать комиссаров, почистить, но и постараться привлечь на свою сторону специалистов.

Было создано Бюро комиссаров авиации: Акашев, Можаяв, Андреев.

Когда совещание закончилось, Акашев не без удивления спросил у Ермолаева, которого знал как человека аполитичного:

— Разве вы большевик?

— Сейчас дело не в этом, — смутился Ермолаев, — просто настало время, когда можно разогнать всю эту увофлотовскую банду на Фонтанке, 22.

Собирая первую, теперь уже довольно полную, биографию Акашева-революционера, мне кажется очень важным этот его разговор с Ермолаевым. Формально Акашев тоже не большевик, но его принадлежность к коммунистам-анархистам скорее всего нужно считать как бы свидетельством революционного стажа. Не случайно же большевики относились к нему с полным доверием, как к своему.

Из-за Акашева я перечитал все, что есть у Ленина об анархистах. Они ведь тоже были разными. Не карьерные соображения, а стремление к активной революционной борьбе, политическая неопытность приводили многих людей в ряды террористов, боевиков.

Призывая к объединению всех искренних, честных революционеров, Владимир Ильич Ленин сказал в письме к Сильвии Панкхерст: «Очень многие рабочие анархисты становятся теперь искренними сторонниками Советской власти, а раз так, то это доказывает, что они наши лучшие товарищи и друзья, лучшие революционеры...»

Вот почему так непривычно, казалось бы, для нас сегодняшних ответил Акашеву Ленин, узнав, что тот анархист: «Тем лучше», что следовало понимать: Владимир Ильич верит в надежность и преданность человека, которого привел к нему Механошин.

Активный участник революции, впоследствии комиссар Чапаевской дивизии, известный писатель Дмитрий Фурманов в тот период тоже был анархистом. В своем дневнике он записал в июле 1918 года: «От анархизма к большевизму... Нас увлекла анархическая линия, там как будто было больше жизни. Анархисты клокотали, рвались вперед, были смелым, воистину революционным авангардом рабочей революции. Мы к ним (сначала Фурманов был эсером.— Ю. Г.).

...Я смотрю на эти переходы от одного учения к другому как на этапы зрелости. Это в конце концов не важно, какое слово налепишь на лбу. Кем бы я ни назывался, всю революцию я работал в теснейшем контакте с большевиками, вел с ними общую линию...»

К великому сожалению, было в нашей истории и такое время, когда не суть человека, не его дела и верность революции, а политические ярлыки трагически завершали судьбы иных солдат Октября.

...Получив у Подвойского мандат о назначении военным комиссаром Увофлота, Акашев с товарищами отправился на Фонтанку, 22.

В кабинете генерала Яковлева несколько руководящих сотрудников. Вид у них был явно растерянный, хотя держались высокомерно.

Первым заговорил Ермолаев:

— Предлагаю распорядиться, чтобы все оставались на своих местах. Проверим наличие и кто чем занят. Ясно?

— Простите... но скоро стемнеет, электричество дадут только после восьми-деяти часов, поэтому мне не представляется возможным держать сотрудников в темноте, тем более делать вашу проверку в таких условиях, — вежливо, но решительно ответил генерал.

— Вы правы, — вмешался Акашев. — Прошу отвести нам помещение, и с завтрашнего дня мы будем постоянно находиться в Управлении.

— Но у нас нет свободных кабинетов! — вызывающе заявил помощник начальника. — Можем где-нибудь поставить стол...

— Кабинет должен быть завтра, не самим же нам его освобождать. До свидания. — И Акашев вышел, за ним остальные.

— С этим господином лучше не связываться, — сказал об Акашеве начальник отдела, ведавший заказами и приемкой самолетов. — Опасный бунтовщик, участник покушения на Столыпина и... очень серьезный инженер-летчик. Можем накликать большие неприятности.

На следующий день Акашев пришел с Андреевым. На сей раз

встретили их вежливо, указали кабинет. Акашев спокойно распоряжился:

— Попросите явиться ведающего личным составом со штатным расписанием и списком сотрудников. Кто он у вас?.. Превосходно, пусть придет прямо сейчас. После обеда мы будем беседовать с начальником отдела заказов авиационной техники. Предупредите его.

— Правильно, Константин Васильевич, — одобрил Андреев, — надо дать им понять, что Советская власть надолго.

Оба они работали вместе на заводе Слюсаренко, Андреев был военпредом. Зная некоторых сотрудников Увофлота, обсудили, на кого можно опереться, а кого и убрать поскорее.

Ермолаев больше не показывался в Управлении, сообщил, что по делам уезжает на юг. Потом стало известно, что этот «комиссар», когда в Херсон пришли белые, повсюду поносил большевиков.

Появился в Увофлоте комиссар — военлет Осипов, из офицеров, с мандатом, подписанным тогдашним Главковерхом Крыленко.

— Где же вы были все эти дни? — спрашивает Акашев, рассматривая предъявленный документ. — Мандат выдан вам еще в конце октября?..

— Знаете, заболел неожиданно, пришлось отлеживаться.

Обрисовав сложность положения, Акашев попросил Осипова разобратся с запасами имущества на складах Увофлота.

Вскоре Осипова уличили в незаконной выписке спирта.

Именно в это время по городу было расклеено воззвание:

«Товарищи солдаты и граждане!

Военно-Революционный Комитет и народные комиссары принимают все меры к тому, чтобы уничтожить пьянство.

Вина в Петрограде не будет.

Тот из вас, кто верит в народное правительство и хочет помочь ему поддержать порядок среди трудящихся, не должен:

1. Останавливаться около предполагаемых или известных мест хранения вина.

2. Покупать, брать и хранить вино.

Те граждане, которые нарушат эти указания, — наши враги, и с ними будут поступать по всей строгости революционных законов...

Пусть ни один любопытный не подвергнет себя риску стать смешанным с злонамеренными людьми.

Комиссар Балашов».

Накануне ВРК утвердил Балашова «Ответственным комиссаром по борьбе с алкоголем и азартом».

Комиссар Осипов поступил злонамеренно и был арестован.

Дел у Акашева все прибавлялось. Ежедневно прибывали в Увофлот представители авиачастей, делегации рабочих для получения заказов, материалов, денег для выплаты жалованья, и не только петроградцы, но и москвичи, посланцы с Украины, других городов. Еще больше поступало жалоб на аппарат Управления.

Акашев договаривается с комиссаром финансов и накладывает запрет на выдачу жалованья сотрудникам.

20 ноября казначей Управления вернулся из банка без денег. И началось! Чиновники, не дожидаясь приглашения, заполнили зал заседаний.

— Самоуправство! Давайте сюда комиссара!.. Как он посмел!..

Акашев, как всегда сдержанный, подтянутый, вышел в зал, переждал, пока затихнут выкрики:

— Вы возмущаетесь напрасно. Ни один хозяин, ни одна власть не могут и не станут содержать людей, которые не желают честно работать... Спокойно, спокойно... Вы не знаете, чем должны заниматься в новых условиях? Странно... Но это я вам готов объяснить, но сначала объявлю имена сотрудников, с которыми мы расстанемся...

Сразу наступила тишина... Акашев зачитывает список, в нем более сорока фамилий.

Снова крики, проклятья, кто-то демонстративно покидает собрание, кто-то растерянно оглядывается, ища сочувствия, но настроение большинства заметно переменялось.

— Полагаю, что оставшимся хватит опыта и знаний, чтобы наладить работу. В ближайшее время людей добавим, а пока первым долгом...

Акашев коротко изложил план действий.

— Вопросы есть?.. Жалованье будет выплачено через три дня.

Оперативная работа оживилась. Постепенно подбирали надежных работников из промышленности, авиачастей, учебных заведений.

Был еще в Петрограде Всероссийский совет авиации, который в сентябре семнадцатого года, когда был избран на съезде, провозгласил себя «чисто технической организацией, стоящей в стороне от классово-борьбы».

Сначала о нем просто забыли. Но вот в Смольном проходит совещание авиаторов. На нем присутствует Ленин. Заходит разговор о Всероссийском Авиасовете.

Передо мной воспоминания об этом совещании Акашева и летчика В. И. Очкина.

«Кто-то из присутствующих,— пишет Очкин,— запротестовал против привлечения Авиасовета, называя его контрреволюционным, так как там главствовали эсеры и меньшевики...»

«Можаяев заявил первым, что он обнаружил контрреволюционную банду, которую надо ликвидировать, членов Совета — арестовать, — вспоминает Акашев. — И страсти накалились».

«Тогда, — продолжает Очкин, — Владимир Ильич прочитал нам целую лекцию о необходимости использовать каждого специалиста в интересах Советской власти, если он не является прямым контрреволюционером. «В Авиасовете, надо полагать, имеются опытные специалисты-патриоты, которые честно будут работать, — сказал он. — Надо терпеливо подходить к ним, перетягивать их на нашу сторону».

Разобраться с Авиасоветом поручили Акашеву.

«Я застал там всех в большом волнении,— писал Акашев.— Они опасались, что угроза товарища Можаяева все же будет приведена в исполнение».

Акашев был рад ясным советам Владимира Ильича Ленина, но его теперь смущала «расправа» в Увофлоте — не слишком ли многих уволил?..

Эти тревожные чувства, обращенные к своей совести, ясно видны в воспоминаниях Акашева. А что касается чиновников Увофлота, то вот как они запечатлелись в его памяти:

«Управление Военно-Воздушного Флота того времени за период кен-ренщины было заполнено чуть ли не наполюину офицерами, выставленными из отрядов и частей солдатскими комитетами. В массе это были маменькины сынки, чьи-то протеже, укрывавшиеся от войны в авиации или махровые контрреволюционеры, выжидающие в центральном учреждении, пока «Белый генерал» не усмирит взбунтовавшуюся солдатню. Словом, все, что было выгнано из фронтовых частей, собралось в Увофлоте... Открыто вызывающе никто из них не держался, а в то же время никто не верил, что «это продлится больше месяца». Многие подали рапорт о болезни и на службу не являлись...

Эта масса, привыкшая выслуживаться и прислуживать, с особой манерой говорить и думать, разукрашенная погонями и орденами, походила на дворовую челядь в ливрее знатного барина. Прибегать к активным мерам я не хотел, не виноваты же они, что их так учили и воспитывали. Разогнать и перестреловать было самое легкое. Труднее было дать им понять, что старое ушло и не вернется, что надо служить не своей касте, а работать, идя в ногу с разорвавшими свои вековые цепи русскими крестьянами и рабочими, что время и дело докажут нашу правоту и силу.

В этих условиях и приходилось работать».

Очень точно оценил Увофлот Акашев, сумевший сохранить там и, как советовал Ленин, «перетянуть» на нашу сторону настоящих «специалистов-патриотов».

...В Авиасовете Акашев действовал по-ленински.

— Моя задача познакомиться с вами, выслушать предложения. Обстановка трудная, авиации нужна помощь, действительная. Вот это и обсудим,— вполне дружелюбно объяснил цель своего прихода Акашев.

«Контрики», о которых шла речь, успели бежать на Юг к генералу Корнилову, большинство оставшихся были готовы сотрудничать.

Совет расширили. Председателем избрали летчика-солдата большевика А. В. Сергеева.

Жизнь показала, что очень вдумчиво действовал Акашев, особенно когда дело касалось человеческих судеб. В те горячие, сложные дни он сумел сохранить действительно знающих, неравнодушных людей, многие из которых станут видными организаторами Красного Флота, прославятся в боях гражданской войны.

В декабре был создан народный комиссариат по военным делам и одним из первых приказов — за № 4 от 20 декабря — сформирована Всероссийская Коллегия по управлению Воздушным Флотом РСФСР.

«Председатель Коллегии Военный летчик инженер-аэронавт механик Константин Васильевич Акашев».

Перед Коллегией... стояла трудная задача — собрать ценное авиационное имущество по всем фронтам. Войска бросили все и расходились по домам. Брошенное имущество расхищалось или попадало в руки наступающих германских войск...

Наладить работу авиазаводов тоже было задачей Всероссийской коллегии. Нелегкий груз лег на плечи Константина Акашева.

Изыскали и материалы для завершения постройки пятидесяти самолетов, частично готовых на петроградских заводах, помогли оживить другие предприятия, ремонтные базы... А еще нужны моторы, приборы, летное обмундирование, пулеметы, бомбы, патроны, палатки, горючее...

И все это в условиях разрастающейся разрухи, нехватки средств, продуктов питания, специалистов...

С безграничным уважением я думаю о первых советских комиссарах разных рангов. Да, были среди них и ошибочно избранные: слабые, нерешительные, были карьеристы, случались и предатели, но не они решали судьбу молодой России.

Те, кто доверил Акашеву, не ошиблись в нем.

21 января (3 февраля) 1918 года состоялась встреча Владимира Ильича Ленина с председателем коллегии Акашевым, членами коллегии А. П. Ануфриевым и М. П. Строевым.

«Изложив вкратце наш взгляд на значение и место воздушного флота в культурном строительстве республики, — писал К. В. Акашев, — мы просили Владимира Ильича о создании Народного Комиссариата Воздушного Флота. Владимир Ильич не возражал против роли воздушного флота в мирной жизни страны и признавал его как одно из важнейших достижений культуры нашего века... По главному же вопросу, наиболее нас интересовавшему, — об учреждении Народного Комиссариата... Владимир Ильич, не возражая принципиально, разъяснил нам, что в данных условиях перед Советской республикой стоит задача более неотложная, чем коренная реорганизация воздушного флота, что Октябрьская революция должна укрепить основу страны — народное хозяйство. «Об учреждении Наркомата Воздушного Флота мы поговорим в другой раз» — были подлинными и заключительными слова Владимира Ильича...

После этой беседы стало спокойно за будущее Воздушного Флота Советской республики. Все сомнения о его дальнейшей судьбе рассеялись...»

А ведь у авиации были не только сторонники, но и противники, не верившие в ее возможности; как военные, так и народнохозяйственные. Акашеву еще придется столкнуться с такими, например, отрицателями, как один из руководителей ВСНХ, Б. Ларин. Он уподобил авиазаводы «фабрикам духов и помады, в которых не нуждается Советское государ-

ство», представив правительству проект их перевода на производство... мебели!

...В эти холодные, голодные дни и ночи, складывавшиеся незаметно в недели и месяцы напряженной работы, Константина Васильевича почти не видели дома. Разросшаяся семья — трое детей — да и он сам были на попечении Варвары Михайловны, умудрявшейся из скудного пайка мужа, состоявшего, как у всех, в основном из пшена, ржавых селедок, изредка постного масла и нескольких кусков сахара, кормить детей завтраком и поздним ужином — мужа. Никогда не жалуясь, она понемногу продавала, меняла на рынке вещи.

Переехав в марте 1918 года в Москву, Всероссийская Коллегия разместилась в здании знаменитого ресторана «Яр» на Петроградском шоссе, почти напротив аэродрома.

К этому времени из 91 авиационного отряда, имевшегося в русской армии, оставалось всего 33, но и они были практически на бумаге.

Как свидетельствует «Отчет о деятельности Штаба Воздухофлота Республики»: «Мотористы, механики и проч., утомленные четырехлетней службой, пользуясь своим правом, демобилизовывались... ощущался большой недостаток специалистов всех категорий...»

И это одна из первостепенных забот Акашева. По представлению Коллегии Воздушный Флот был исключен из всеобщей демобилизации Армии, личному составу заметно прибавили жалованье.

В том же 1918 году по предложению Акашева, Коллегия решает начать выпуск своего официального печатного органа — журнала «Вестник Воздушного Флота». Главный редактор — Акашев.

Вечерами, в старом особнячке на Собачьей площадке, куда поселили Акашева, он, вместе с летчиком Валентеем, секретарем редакции, готовит первый номер. Константин Васильевич пишет обращение, которым откроется новое издание. Романтически приподнятое, оно не скрывает трудностей, окрыляет надеждой.

Шла подготовка к первому воздушному параду красных летчиков на Ходынском аэродроме в день Первомая.

На параде присутствовал Ленин. В разговоре с А. В. Сергеевым, как тот вспоминал, Владимир Ильич интересовался главным: «...количество самолетов, летчиков и насколько на последних можно рассчитывать как на «своих» в случае нужды».

В конце мая Коллегия преобразована в Главное Управление Рабоче-Крестьянского Красного Военного-Воздушного Флота (Главвоздухофлот) во главе с Советом в составе начальника и двух комиссаров. Комиссарами назначены Константин Васильевич Акашев и Андрей Васильевич Сергеев.

«...Все распоряжения по ВВФ принципиального характера или имеющие решающее значение, — говорилось в приказе № 1, ...действительны при наличии не меньше двух подписей членов Совета... Вопросы, касающиеся материального снабжения, денежной отчетности, заводские и научно-технические относятся к ведению комиссара Акашева».

...Обстановка в стране все напряженнее, особенно на Восточном фронте, где белые рвались к Казани. Именно там, как определил Ленин, «решалась судьба социалистической революции».

На Ходыньском аэродроме готовятся к отправке на фронт авиагруппа И. Павлова, авиаотряд И. Сатунина.

Чем же располагают воздушные бойцы?

Отряд Сатунина грузит на платформы два «Ньюпора», «Сопвич» и «Фарман». Не густо.

На остальных платформах — автомобиль «Уайт», боезапасы, бочки с горючим. В теплушках — люди.

Накануне состоялся митинг авиачастей Москвы, на котором выступил Н. И. Подвойский. Призыв один — защитить революцию!

После митинга Подвойский с Акашевым проверили подготовку в боевой группе истребителей Павлова, в ней двенадцать самолетов, это уже серьезная сила.

Акашев просит наркома помочь с горючим, бензин — целая проблема.

— Сделаем все, что можно, Константин Васильевич. Вам тоже надо поторапливаться, дела под Казанью...

— Только бы не прорвались к Свияжску...

Станция Свияжск совсем рядом, с Казанью, там и аэродром.

Отряд Сатунина успевает прибыть за день до оставления нашими войсками Казани. Летчики бомбят пароходы и баржи белых, ведут разведку, помогают нашей пехоте, но самолетов так мало...

Москва все, что можно, отдает фронту. Из столицы выехали представители Реввоенсовета Республики, с ними Акашев, чтобы собрать в кулак все силы, войска, действующие по обеим сторонам Волги, объединяются в 5-ю армию.

Прибыв в Свияжск, Акашев принимает на себя командование авиацией армии. Обстановка требует неординарных решений. Комиссар Главвоздухофлота находит такое.

17 августа на аэродроме с утра загудели моторы. Сначала пошли на взлет двухместные аэропланы с бомбами и листовками. Следом Павлов со своими истребителями. Всего 18 самолетов. Летели они не строем, но в одном направлении, и, казалось, заняли все небо.

В первой группе, исполняя роль летнаба; летел руководивший налетом Акашев. Он уточнил на карте линию вражеских войск, данные разведки. Потом выбрал себе объект для удара, указал летчику направление... Внизу взметнулась земля, замелькали фигурки разбежавшихся солдат, хорошо было видно опрокинутое взрывом орудие...

Взрывы гремели на окраинах Казани, береговых пристанях, вздымались фонтаны на реке — в расположении вражеской флотилии.

Отбомбившись, самолеты возвращаются на аэродром, берут бомбы и снова в бой. Такой конвейер продолжался в течение всего светлого времени. Истребители, сбросив бомбы, поливали пехоту из пулеметов.

И хотя Акашев насчитал на Казанском аэродроме 8 машин, ни один белый самолет в тот день не поднялся в воздух.

Это был первый массированный удар авиации в ходе гражданской войны.

Групповые налеты продолжались, летчики 5-й армии действовали и с других аэродромов, нанося удары по тылам и резервам противника.

За несколько дней боев командир отряда Сатунин на своем «Фармане» пробыл в воздухе более сорока часов, Ингаунис— более двадцати, столько же и сам командир группы Павлов.

Штаб армии расположился в вагонах на запасных путях станции, совсем рядом с аэродромом. Летчики, летавшие на разведку, вернувшись с задания, сразу шли в штаб с докладом. В случае надобности можно было получить разведданные через полчаса, противник был всего в пятнадцати — двадцати километрах.

Начальник штаба авиации армии Я. Конкин каждый вечер докладывал Акашеву об итогах дня, потерях.

— Погиб летчик Сметанин с мотористом Месбахом, летчик Невяжский сломал машину на взлете... — докладывает Конкин. — В Алатыре есть для нас «Ньюпор», надо посылать кого-то. Да, получен, приказ по войскам — благодарность Павлову и Ингаунису за отличный удар по Услону. И денежная премия им.

— Вот и прекрасно, объявите приказ перед строем. Завтра с утра.

Так хочется больше назвать имен героев той далекой войны в надежде, что прочтут о них внуки и правнуки. С грустью думаю о тех, кто не вернулся с гражданской, кто так и не успел продлить свой род...

Читал у Акашева о подвиге летчика гидроотряда Истомина, который, спасая товарища, летчика Дмитриева, севшего на поврежденном гидросамолете около вражеского корабля, приводился рядом с ним, забрал товарища на борт, но взлететь не успел, захватили белогвардейцы. Тут же обоих расстреляли...

Группа авиаторов во главе с комиссаром отряда Семеновым отправилась отбивать у белых свой самолет, севший на вынужденную. Пленили солдата, охранявшего «добычу», подогнали телегу и под обстрелом противника покатали к своим привязанный самолет.

«За спасение самолета, — сообщил журнал «Красноармеец», — командующий авиацией Акашев наградил Семенова 2000 рублей».

Бои под Казанью не затихали. Части полковника Каппеля решили разгромить штаб Армии в Свяжжске. А здесь лишь небольшой отряд охраны и наземные службы авиации.

Выручать мог только 4-й латышский полк, находившийся в районе станции Шихрана. Связи с ними нет, прервана наступающими белыми.

Акашев поднял по тревоге аэродромную команду, вооружил всех своих штабных, связистов. Вызвал Р. Левитова — летчика огромной отваги и высокого мастерства:

— Надо срочно отыскать латышский полк, он где-то около станции Шихрана, но там могут быть белые, так что аккуратно.

Левитов пролетел над станцией, вроде все тихо, никто не обстрелял. «А, может, хитрят, ждут, чтоб сел?» Сделал еще кружок и пошел на посадку неподалеку, где видны солдаты. Только чьи? Шинели-то одинаковые, что у наших, что у белых.

Уже у самой земли увидел — бежит к самолету человек в кожаной куртке. Свои!..

А капшелевцы уже атакуют Свияжск. Летчики Павлов и Ингаунис штурмуют наступающих пулеметным огнем, сбрасывают десятифунтовые бомбы.

Акашев со своим штабом отражает атаку в цепи. В самый трудный момент моряки Волжской флотилии высадили небольшой десант, подержали артогнем.

Первый натиск отбит. Подоспели к Свияжску наши броневики, подкрепление из Москвы, а с тыла ударил стрелковый латышский полк.

Сорвав наступление белых, 5-я армия перехватила инициативу. Венлет Хендриков отыскал части второй армии, установил с ними связь.

Авиация все время в воздухе, даже в непогоду идут в бой смельчаки: все тот же Сатунин, с ним за летнаба Конкин, Левитов, Павлов...

Днем 10 сентября красные войска освободили Казань.

Авиаторы Акашева непрерывно штурмуют отходящего в беспорядке врага, заставляя его бросать технику, обозы. С последних боевых вылетов уже сядились в Казани. Там на аэродроме белые оставили пятнадцать самолетов — ценнейшие трофеи!

Так провел свою часть операции в боях за Казань командующий воздушными силами 5-й армии Константин Акашев.

Приказ Реввоенсовета Республики от 13 сентября 1918 года:

«Солдаты Красной Воздушной Флотилии 5-й Армии!

Вся Советская Республика была свидетельницей вашего несравненного героизма в исторических боях под Казанью. Вы сразу же пригвоздили к земле предательских летчиков неприятеля. Вы изо дня в день терроризировали белогвардейскую Казань. Вы создали незаменимую разведку. Вы обеспечили связь 5-й Армии с Арским отрядом 2-й. Вы бесстрашно преследовали врага, внося смятение и ужас в его ряды.

Честь вам и слава, красные витязи Воздушного Флота!»

После такого признания чье сердце не почувствует улады. Дрогнул, дрогнул сдержанный Акашев. Конкин с удивлением рассказывал, что стал командующего напевавшим «песню не песню, музыку, что ли».

Музыку Акашев очень любил, вот только время такое — не до веселья. Одна радость — скоро семью увидит. Отзывают в Москву.

...В особняке на Собачьей площадке счастливый переполох — приехал хозяин дома с целой группой авиаторов — всех «бездомных» забрал к себе, так гурьбой и ввалились.

Варвара Михайловна в хлопотах — надо всех накормить. Хорошо, Константин Васильевич свой паек прихватил, да еще картошки. И спутники мужа, несмотря на его запреты, кое-чем поделились из своих «сидоров».

Ожидается необычный пир. Старшая, Галя — мамина помощница, Леночка нянчит Ию, усиленно баюкает ее, чтобы скорее к отцу на колени. А гости, умывшись с дороги, уже сидят вместе с хозяином в кабинете, что-то там обсуждают.

А говорят они о горячем, его катастрофически не хватает. Трудями химиков во главе с профессором Шпитольским организованы два завода по выработке бензина из керосина, но его запасы ограничены.

Акашева дома ждало письмо с моторного завода, где по заказу Главвоздухофлота уже создан первый советский авиационный двигатель мощностью двести лошадиных сил. Конструктор, его давний знакомый, приватно просит помощи с материалами, инструментов. Жалуются — всего недостаток. Где что брать?..

Их беседу прервало приглашение к столу. Хорошо, главное, в дружеском кругу, подкрепились, гости поблагодарили хозяйку и вместе с Акашевым поспешили в «Яр».

— Теперь поедем цыганок купать в шампанском, — смеялись летчики.

— Как бы вас самих там в чернилах не утопили, — пошутил Акашев. — Варя, мы вернемся, наверное, поздно, но зато все.

Хорошо возвращаться домой, да еще с войны и с победой.

А в доме продолжались хлопоты. В «диванной» комнате, доставшейся от старых хозяев, стояла преогромная тахта, способная принять чуть не десять человек. Вот и шла мобилизация подушек, простынь, одеял и того, что могло их заменить.

Акашевский дом всегда будет славиться гостеприимством.

Недолго пробыл Константин Васильевич дома. В декабре его назначают по совместительству начальником авиации и воздухоплавания Южного фронта.

Среди проблем, которые приходилось решать Акашеву, было задание Ленина — изобрести «мирные бомбы», которые можно начинать листовками для войск противника. Такие бомбы изготовили петроградцы.

Красные летчики разбрасывали над вражескими войсками и специальные приглашения — «Пропуск в РСФСР», по которым немало солдат переходило на нашу сторону.

Очень популярными были стихотворные прокламации Демьяна Бедного:

Гудит, ревет аэроплан...

Летят листки с аэроплана.

Читай, белогвардейский стан,

Посланье Бедного Демьяна.

Победный звон моих стихов

Пусть вниз спадет, как звон набата

Об отпущении грехов,

Буржуй, молись! Близка расплата!

Чтобы приблизить эту расплату, отбывает Акашев в Козлов (ныне Мичуринск). Там его штаб.

Не стану описывать подробности боев. В истории авиации и гражданской войны они остались сражениями за Ростов-на-Дону, Новочеркасск, именами славных краснолетов Петрожицкого, Сапожникова, Жемчужина, Павловича, Рудзита...

И. И. Петрожицкий, бывший царский офицер, вспоминал в семидесятых годах, как командование, страшась измены, боялось доверить ему самолет.

— Пришлось обратиться к Константину Васильевичу, который знал меня еще по Петрограду. Он только прибыл на Южный фронт. По старым-то временам пост у него генеральский, как примет?.. Встретил хорошо, он ведь человек очень воспитанный, а вот как начал я свои уверения в верности России, тут сразу перебил: «Это в бою подтверждается, я вам верю».

На следующий же день получил боевое задание. Потом командир сказал мне, что звонил командующий и спрашивал его: «Надеюсь, Петрожицкий удачно слетал?» Грешен, думаю, что за этим вопросом стояло другое: «Вернулся ли?» К сожалению, перелеты к противнику случались не так уж редко. Поэтому я не обиделся. А доверие Константина Васильевича определило, можно сказать, мою судьбу. Жалею об одном, она оказалась гораздо счастливее судьбы самого Акашева — человека несомненно выдающегося, бескомпромиссного. Именно, бескомпромиссного, а это требует отваги...

В июле 1919 года Акашев назначен начальником Главвоздухофлота Республики. Было ему в ту пору ровно тридцать лет.

Давно ли с немалыми трудностями создавались первые советские авиаотряды, теперь их уже шестьдесят шесть, боеспособных. Но и потери у авиаторов большие — до половины летного состава.

Новая должность не освободила его от обязанностей начальника авиации Южного фронта, а вот заместителем Акашева стал Петрожицкий.

Воины никогда не проходят планомерно: удачи соседствуют с поражениями, тактические замыслы той и другой стороны могут заставить противника врасплох, усложнить положение.

На Южном фронте белым удалось сформировать большие кавалерийские силы под командованием генерала Мамонтова и резко изменить обстановку в свою пользу.

Насколько это было серьезно, доказывает личное указание Ленина о создании особой авиационной группы для действий против Мамонтова и Шкуро.

Более того, 4 сентября 1919 года Ленин пишет Склянскому: «...Не можете ли Вы ученому военному Х. У. заказать ответ: (быстро) аэроплан против конницы? Примеры, полет, совсем низко, примеры чтобы дать инструкцию на основании «науки»...»

А в самом начале записки взята Лениным в скобки фраза, которая представляет абсолютно верную догадку далекого от авиации человека: «..Конница при низком полете аэроплана бессильна против него».

Заглянем теперь в биографию К. В. Акашева, опубликованную в 1923 году журналом «Вестник Воздушного Флота»: «...В августе 1919 года по предложению Главкома товарища С. С. Каменева командовал группой авиации особого назначения по ликвидации рейда кавалерии Мамонтова и лично летал на «Муромцах», бомбардируя белую кавалерию».

Война не заслонила от Акашева необходимости обобщения опыта боевых действий авиации. В специальной папке особо поучительные примеры из донесений, газетные и журнальные вырезки. Что тут накопилось в его отсутствие? Глаз выхватил имя известного летчика: «Врангелевский фронт. 2-й авиационный дивизион. Район села Малая Каховка».

Наша армия, готовясь к наступлению, навела у города Бориславля понтонную переправу через Днепр. 12 августа на переправу вышло сразу семь вражеских самолетов. Все гибнет! И вдруг над белыми появляется наш самолет, возвращавшийся из разведки. Он один, а семерка на двухместных машинах, четырнадцать пулеметов против одного. Но Н. Н. Васильчиков на своем «Ньюпоре» сразу атакует ведущего группы.

Ошарашенные неожиданной атакой, белые рассыпали строй. Одно-го Васильчиков успевает подбить. Бой продолжается. Подбит второй беляк, остальные бесприцельно сбрасывают бомбы в реку.

Красный герой, спасший переправу, невредимым возвращается на аэродром. За три недели с первого по двадцать второе августа он совершил тридцать четыре боевых вылета, пролетав 65 часов.

Васильчиков из крестьян, член ВКП(б) с марта 1917 года.

Награжден двумя орденами боевого Красного Знамени.

В другой папке, лежащей на столе, списки летчиков и механиков, которые могли бы стать слушателями института Красного Флота, который открывается в Москве.

Многих из кандидатов Акашев предложил сам, поручил разыскать Харитона Славороссова, о котором давно ничего не слышал.

И вот прямо сверху лежит справка из строевой части — краснолет Славороссов Х. Н. на фронте в Сибири.

— Жив курилка! — обрадовался Акашев. И тут же пишет: «Отозвать в распоряжение Главвоздухофлота».

Так сбудется давняя мечта Харитона, он закончит в первом выпуске Военно-Воздушную академию имени Жуковского.

Сколько добрых дел на счету Акашева. Еще не кончилась гражданская война, а он представляет проект создания Аэроклуба Республики.

Спустя два года, находясь за границей, примет предложение Швейцарского аэроклуба о посредничестве для восстановления членства России в Международной федерации аэронавтики.

Что Акашев делал за границей? Заглянем в официальную биографию: «...По ликвидации гражданских фронтов должность Начглаввоздуха сдал и уехал в командировку за границу, где пробыл два года. Боль-

шее время провел в Италии, где принимал закупленные самолеты и моторы, контролировал производство, сдачу в воздухе...

Был представителем РСФСР на Международной дирижабельной конференции в Лондоне (февраль 1922 года), Международной конференции аэронавтики в Риме (октябрь 1922 г.) и экспертом по вопросам воздушного флота при делегации РСФСР на Генуэзской конференции в апреле 1922 года».

Вот так, год за годом, знакомлюсь с Константином Васильевичем Акашевым по документам, воспоминаниям сослуживцев, но не могу найти никого из его близких, знакомых, сотрудников. Слишком поздно узнаю о тех, кого мог бы успеть увидеть. Неужели никого не осталось на свете?..

Ведь и книга моя «Воздушный казак Вердена» вышла еще в 1981 году, в ней глава посвящена Акашеву — «Беглый каторжник». Пишем много, спрашивают о нем, дальнейшей его судьбе, но нет знавших его. Звонит писательница, доброжелательный и милый человек — Евгения Александровна Таратута:

— Вы даже не представляете себе, с каким волнением я прочла вашу книгу о летчиках. Вы вернули мне замечательного человека — Константина Васильевича Акашева.

— Вернул вам? Вы его знали?!

— Конечно, еще девочкой сидела у дяди Кости на коленях. Мой отец дружил с ним, мы вместе жили в Париже...

Наконец-то!

Дочь русского политэмигранта, Таратута и родилась в Париже, а после революции их семьи часто встречались в Москве.

— Евгения Александровна, какой он был, ну все, что можете, вы же первый человек, для меня первый, который знал Акашева.

— Неужели?.. Если внешне, то это был видный мужчина, высокий, подтянутый, несколько даже франтоватый, но невероятно скромный, обаятельный... Конечно, очень интеллигентный, в самом высоком значении этого слова... Какой еще? Добрый, гостеприимный, вообще дом был такой у них, и Варвара Михайловна, жена его, сердечная, милая, не очень здоровая, как мне кажется... Что еще вам сказать?.. Сколько лет прошло... Да, они поселили у себя в московской квартире старого друга, одинокого человека, известного в те годы литературоведа Гроссмана-Рощина...

— Спасибо, Евгения Александровна, я таким его себе и представлял, и все же... он как бы ожил теперь... А что же с ним случилось, жив ли кто из семьи, ведь три дочери... Никого из них найти не могу.

— К стыду своему, точно не знаю. Сам Константин Васильевич исчез в тридцатых годах, как, к нашему горю, многие тогда, особенно революционеры. За что, почему? Кто же это знал... Я ведь тоже побывала... Больно говорить об этом. Если что-нибудь узнаю... Еще раз спасибо вам.

О своем обещании помочь Евгения Александровна не забыла:

— Вышла очень интересная книжка о Николае Александровиче Морозове — шлиссельбуржце. В ней есть для вас связанный с Акашевым сюрприз. Приезжайте.

Я знал, что этот выдающийся русский ученый-энциклопедист, приговоренный еще при царе к вечной каторге, четверть века провел в одиночной камере Шлиссельбуржской тюрьмы, где написал двадцать шесть томов научных исследований по математике, физике, астрономии... Потом он увлекся авиацией, был членом Всероссийского Аэроклуба, председателем комиссии научных полетов, сам летал на воздушных шарах, одним из первых, в качестве пассажира, поднимался на самолете... Фантастическая жизнь! Но откуда он знал Акашева?

И вот книга у меня. Оказывается, и после Октябрьской революции Морозов не отошел от проблем авиации, думая о ее развитии, написал письмо Ленину.

Было это 29 января 1921 года. А уже 31 января в календаре Ленина есть запись секретаря о том, что Владимир Ильич поручил «направить Н. А. Морозова (шлиссельбуржца) по вопросам об его предложении принять участие в работе воздушного флота к Склянскому (Реввоенсовет Республики) к Акашеву (Воздухофлот)...»

Через два дня он уже вновь пишет Ленину: «Глубокоуважаемый Владимир Ильич! Благодаря Вашему содействию, уже увиделся с товарищем Склянским и товарищем Акашевым, и мы составили уже абрис будущих действий по созданию воздушного флота. Думаю, что дело пойдет успешно.

С сердечным приветом, Николай Морозов».

Ах, если б сегодня так относились к письмам, как Ленин и его соратники!

В поиске все новых материалов об Акашеве у меня родилось интересное предположение: если он закупал авиационную технику за рубежом, то, возможно, какие-то следы этой работы могут сохраниться в архиве Министерства внешней торговли.

Звоню. Обещают проверить. Снова звоню.

— Приходите, немного есть, можем показать.

Седовласый руководитель службы подробно расспрашивает меня, чем вызван интерес к деятельности Акашева. Объясняю еще раз. Прежде чем направить меня в читальный зал, хозяин кабинета со значением говорит:

— А вы знаете, что он анархист?

— Анархист-коммунист, — уточняю я. — Но об этом знал еще Ленин, — с еще большим значением отвечаю собеседнику.

И вот в моих руках тоненькая папочка — «Дело № 114. Акашев Константин Васильевич».

Уже самый первый документ — потрясение, заполненный лично Акашевым «Анкетный лист Представительства НКВД в Италии. Импортный отдел».

Открывается анкета указанием: «Ответы писать четко, ясно и точно на вопросы». Далее — суровое предупреждение: «Лица, давшие неверно сведения, будут преданы суду Ревтрибунала».

Вопросов в этой многостраничной анкете — сорок шесть.

Читаю, поражаясь удивительным своеобразием личности, ставшего мне уже близким человека. Манера некоторых ответов, стремительность размашистого почерка открывает все новые черты характера.

Я почти зримо вижу молодого мужчину, склонившегося над письменным столом в доме за номером 72, по римской улице Виа Систино. Мне кажется, что он улыбается, заполняя анкету.

Кто и кого из нас станет сегодня спрашивать, к примеру, так: «Месячный оклад или доход до революции, из каких источников», «...состоит владельцем торговых или промышленных предприятий, где и когда, количество рабочих и оборотный капитал», «Чем занимались до 1905 года, с 1905—1917, с марта 1917 до Октябрьской революции»...

Как я благодарен тем, кто придумал этот наиподробнейший опрос, тем, кто сохранил анкету — до сих пор единственный из найденных мной документов, написанный собственноручно Акашевым.

Уроженец Латгальского села Михалино, белорус, окончивший в Двинске реальное училище, где и начался его путь в революцию. Знает французский, итальянский, немецкий и польский языки.

Мать Акашева — Екатерина Семеновна Воеводина, сводные брат и сестра — Лев и Александра Воеводины живут на территории Латвии, к которой отошла тогда по мирному договору часть земель бывшей Витебской области.

«Принимал ли активное участие в Октябрьской революции». «Принимал», — отвечает Акашев. «В чем заключалось ваше участие», — требует сообщить анкета. «Подробности долго писать». И все?

Я ведь, как теперь и вы, знал уже эти исключительные «подробности», но тогда, 20 июля 1921 года, о них, кроме нескольких человек, не ведал никто. Кто бы удержался ответить хотя бы так: «Вывел артиллерию из Зимнего дворца»...

И на вопрос, подвергался ли репрессиям по политическим делам, за что именно и когда, — в ответе лишь названы города, годы и статьи, по которым судился.

Это уже характер.

«Какую работу полагаете для себя соответствующей», — вот, кстати, вопрос, который в наши дни следовало бы ввести во все кадровые анкеты. И в анкетах для вступающих в партию был тоже подобный вопрос, человек, знающий себя и свои возможности, открыто сообщал об этом.

Акашев ответил коротко: «Авиация и летание».

Так я узнал о его семье, членстве в московском отделении профсоюза инженеров, нынешнем окладе (4500 лир), дошел до последнего вопроса: «Что вы хотите сообщить».

«Будет с вас». И ниже размашисто: «Акашев».

Думаю, что и поныне, он единственный из советских граждан, кто посмел так темпераментно, непосредственно завершить заочную «беседу» с неким вышестоящим опрашивателем: «Будет с вас».

Следом за анкетой подшиты несколько копий мандатов, запросов, отношений. Наркомвнешторг обращается к Наркоминделу Чичерину, сообщая, что поддерживает командирование за границу совместно с товарищем Акашевым ряда специалистов. В их числе: «тов. Гвайта, летающего на самолетах всех систем, тов. Нильсена — шведского летчика, знающего скандинавский рынок». Назван еще «известный специалист по моторостроению тов. Шухгалтер».

Насколько важно это задание, говорит телеграмма наркому Красину о прибытии Акашева в Ригу.

Другая просьба: «срочно завизировать заграничный паспорт гг. Акашеву и Гвайту — представителям Главкоавиа, прибывших из-за границы в Москву по служебным делам... Тов. Акашев в Ревель для дальнейших работ по закупкам для Воздухофлота».

Интересная деталь в копии справки: «...Тов. Акашеву было обменено две тысячи рублей советскими знаками на такую же сумму знаками старого образца («романовскими»)».

Значит, были еще в ходу за границей «романовские». Надеялись...

А вот как любопытно читать один из акашевских мандатов 1921 года: «...Все советские, военные и гражданские власти на территории РСФСР, а также представители НКВТ за границей благоволят оказывать товарищу Акашеву полное содействие в пути его следования... и при исполнении им возложенных на него поручений».

Запрос в Лондон: «Срочно сообщите, когда Акашев выедет в Италию».

Последний листок — телефонограмма в законодательный отдел Управления делами Реввоенсовета: «...товарищ Акашев является представителем Военведа, штатной должности в НКВТ не занимает».

Акашев на военной службе, занят не только зарубежными поставками, но и развитием отечественной промышленности, как член Технического Совета ВСНХ (Всероссийского Совета Народного Хозяйства).

Когда вспоминаешь события собственной жизни — даже юность кажется близкой. Более полувека назад был курсантом летной школы, начнешь рассказывать внуку-студенту, как учился летать, боже, словно вчера это было. Начинаешь разбираться в чужой жизни — такой же временной отрезок представляется чуть ли не доисторическим.

Чужое время растягивается в пространстве невероятно, свое — заметить не успеваешь, как состарился...

Переमेжая текущие дела все теми же поисками, и не только одного Акашева, при случае упоминаю о них в других выступлениях. Сдав небольшой материал в редакцию «Вечерней Москвы», уезжаю в санаторий.

Через несколько дней звоню домой

— Юра! — едва успев услышать меня, кричит жена, — тебе звонила дочка Акашева! Слышишь?

— Кто, кто, повтори!

— Акашева, Елена Константиновна! Но фамилия ее Семашко.

— Откуда она, где живет?

— Да в Москве, я записала телефон и адрес. Слушай, она же ничего не знает о твоей книге, прочла статью в «Вечерке», и вот... Она так огорчена, что тебя не застала...

— Ира, позвони ей немедленно, дай книжку, передай...

Как я благодарен «Вечерке»!

Итак, мы встретились. Елена Константиновна живет с сыном, кандидатом наук Сергеем Сергеевичем Семашко. Я взял с собой магнитофон, чтобы не упустить ничего из того, что расскажет и вспомнит дочь Акашева. А она плохо себя чувствовала, очень волновалась, одним словом, первая встреча была сумбурной.

Как жаль, что не застал я в живых, а ведь мог, Галину Константиновну — старшую дочь, а потому и знавшую больше всех детей. На нее то и дело ссылалась Елена. Как я обрадовался, узнав, что в Горьком живет младшая, Ия Константиновна, и вот-вот приедет в Москву.

Только теперь мне рассказывают обстоятельства трагической гибели Константина Васильевича Акашева, о том, что пришлось пережить Варваре Михайловне, их детям.

Так уж вышло, что и я расскажу им очень многое об их отце, тем более что в книге, которую они прочли, нет и половины того, что удалось узнать уже после ее публикации.

В воспоминаниях красногвардейца Ильинского, которые я уже приводил, есть еще упоминание об Акашеве: «В 1927 году он был директором авиационного отделения ленинградского завода «Большевик». Дальнейшая судьба его мне неизвестна».

Да, был послан, чтобы вывести завод из прорыва, и вывел, о чем, как сказала Елена Константиновна, была большая статья в «Ленинградской правде». Семья тогда провела лето на даче под Ленинградом.

Потом снова Москва, авиационный завод.

Талантливый организатор и инженер, Акашев, измеряя свою ответственность не только масштабами порученного завода, не понимает, что рождающийся механизм волевого, административного управления всем и вся, ужесточающийся с ростом культа личности, требует беспрекословного исполнения приказов и установлений «сверху». Отсюда — план любой ценой, требование «делать, а не рассуждать». А он, Акашев, «рассуждает», его не устраивают технологические решения, качество материалов, несовершенство конструкций.

Кто «мутит воду», мешает посадить нашу страну на самолет, «маскируясь деловыми соображениями»? Конечно же, бывший анархист...

Так объясняла дочерям мать, так горевали об Акашеве его уцелевшие друзья, пытались разобраться в причинах постигшей Константина Васильевича трагедии.

Не все и не сразу могли вспомнить сестры о виденном, пережитом, услышанном. А потому попросил я их записывать все, что придет на память, и, не думая о «литературном» оформлении, присылать мне. Присылать сразу, не дожидаясь «продолжения». Таких записок-воспоминаний собралось у меня порядочно. Их можно было бы вводить, как говорится, по ходу повествования. А с их помощью придать этому строго документальному рассказу более «художественную» форму. Даже роман можно написать. Я, как видите, избрал другой путь. Следуя ему, решил дать возможность рассказать об отце и матери, их семье, как помнят, самим детям. Разложил их письма в некоем порядке, начиная с того момента, когда Акашевы переехали в Москву. Того, что было раньше, они помнить не могут.

Начнем с Ии Константиновны:

ИЯ. Мне было три года, когда мы жили в Москве на Собачьей площадке. Там в нашем домике была большая комната и в ней ужасно холодно. Спали мы все три сестры на одном диване. Мама закрывала нас папиной дохой, а ночью проверяла — живы ли. Плохо с едой. Однажды летчики привезли нам пшена и сахара, мама на буржуйке варила нам кашу сладкую. Ели ее утром и вечером. Отца мы почти не видели.

ЕЛЕНА. Время было тяжелое, и бабушка Екатерина Семеновна прислала дядю Леву, папиного брата, чтобы он привез детей к ней в Латвию. Старшая сестра уже училась, младшая — слишком маленькая, послали меня. Крестьяне из соседних хуторов, а мы жили в Пылде, около города Люцин, приглашали меня к себе, расспрашивали про папу.

Когда папа по пути на Генуэзскую конференцию был в Риге, он отправил меня в Москву со своим старым другом Яковом Вишняком.

Наша семья уже жила на Новинском бульваре, в бывшем доме адвоката Плевако. Квартира принадлежала некоему Рындину, бежавшему за границу. Осталась его прислуга, тетя Дуня, которая сохранила всю обстановку. Хотя вещи были конфискованы государством, папа платил за них Дуне какую-то сумму ежемесячно, сказав ей: «Ты гнула спину на хозяев, все сберегла, вещи эти твои»...

Через какое-то время тетя Дуня купила в деревне дом, уехала от нас. А к нам переехал папин друг И. С. Гроссман-Роцин и жил с нами до своей кончины.

ИЯ. Дом был хороший, шестизэтажный, из красного кирпича. Был лифт, паровое отопление, газ, но ничего не работало. На кухне и в комнатах сложили печки.

ЕЛЕНА. К Роцину погостить приехал брат откуда-то, да так у нас и остался. Родители были люди деликатные, ничего не сказали. А когда тот женился — ему отдали комнату.

Отношения в семье были хорошие, папа и мама никогда не повышали голоса. Самое сильное недовольство отца выражалось всегда одной фразой: «Это что такое!»

Отец был очень крепким, когда возился с нами, то мы удивлялись его силе. Любил хорошо одеваться, был очень аккуратен.

Домом занималась мама, она же и обшивала нас.

Каждый вечер отец работал в кабинете: писал что-то, читал. Когда работал — много ходил по кабинету. Вообще, он больше думал, чем говорил. Был сдержан, но очень доброжелателен к людям.

ИЯ. Все мальчишки у нас во дворе с уважением смотрели на отца. Он ходил в длинной шинели, буденовке, с револьвером на поясе. Утром за ним приходила машина, и отец часто подвозил по пути соседей.

Ребята знали, что отец — летчик, наверное, поэтому мальчишки приняли меня в свою компанию. До школы я дружила только с мальчишками. Часто приходили соседи к папе с жалобами на меня: то дверные замки варом залеплю, то двери противоположные завяжу веревкой, так, что не выйти... Басурманка. Папа никогда нас не ругал. Спокойно объяснит, что так делать нельзя, что людей надо уважать, а потом спросит: «Это ты сама придумала?» Покачает головой. Мне было стыдно, что огорчила папу, но... Такая уж была.

Из заграничных командировок папа всегда привозил мне игрушки, только в мои руки они редко попадали целыми. Так, например, было с куклой, у которой не только открывались, но поворачивались глаза. Папа сначала снял с нее парик, там было отверстие, через которое он посмотрел, как все устроено. Потом прилепнул парик и отдал куклу мне. Еще помню детскую швейную машинку, она шила одной ниткой, без шпульки. Папа разобрал ее, изучил, не стал собирать, сказал мне: «Попробуй сама собрать, это не сложно».

ЕЛЕНА. Осенью отец отвел меня в школу. Наша учительница, бывшая классная дама, ко мне относилась враждебно — «комиссарская дочка». Узнав об этом, папа перевел меня в другую школу. В середине года сделать это было сложно, пришлось обратиться к Анатолию Васильевичу Луначарскому. Он, кстати, бывал у Гроссмана-Рощина.

Когда к родителям приходили гости, а гостей папа с мамой любили, нас звали здороваться и отправляли в свою комнату. За столом со старшими сидеть не полагалось.

ИЯ. Помню, что у нас всегда было много народа. Приезжали из Великих Лук мамина родня, папины родичи. А самого папу помню мало. По воскресеньям папа часто ходил к букинистам, приносил нам детские книжки, а себе покупал чаще на французском и итальянском языках.

ЕЛЕНА. Родители очень любили театр и музыку.

Рояль папа брал напрокат, потом его сводная сестра Александра попросила поставить у нас ее концертный рояль: «Пусть девочки играют», — а мы брали уроки музыки.

Пришло время, и тетя Александра решила забрать рояль, сказала, что за ним приедут. На следующее утро приехали грузчики и увезли. Потом приходит сама хозяйка рояля, а его уже нет, оказалось — украли!

Это был, кажется, в Москве первый случай похищения рояля. Видимо, воры знали адрес, откуда должны были вывозить инструмент.

Еще все мы любили, когда готовился домашний спектакль. Ставила обычно наша соседка, бывшая актриса. Блистала в постановках Галя, я была бесталанной. Папа поощрял нашу самодеятельность, смотрел с удовольствием. Любил участвовать в наших детских проделках, розыгрышах, как говорил, «похулиганить» с нами.

Когда папа приходил поздно, он иногда будил меня, и мы вместе ужинали. Обычно я болтала, а отец сидел, улыбался и, конечно, меня не слушал, думал о чем-то своем. Но так было хорошо вместе... Мама дружила с Галей, баловала младшую, а я была «папина».

Папа очень заботился о нашем развитии, мы ходили в музеи. И наш интерес к рисованию поощрял. Я, например, занималась в студии, а старшая сестра потом поступила в художественный институт.

ИЯ. Когда папу послали в Ленинград, то он снял там дачу. Каждое утро, уходя на работу, папа давал нам с Леной деньги, чтобы мы ходили по музеям. Вечером спрашивал: где были, что понравилось, что — нет, почему? Рассказывал нам, что он особенно любит в Ленинграде.

Помню еще такой случай. В нашем доме жил сапожник дядя Роман, инвалид войны, ходил на протезе. Как-то папа вез маму на извозчике в больницу. По дороге увидел дядю Романа, он сидел на тротуаре и не мог встать. Папа остановился узнать, в чем дело. У старика оборвался протез. Отец велел ему подождать, сказал, что скоро вернется за ним. Так и сделал. Этот случай мне рассказал дядя Роман уже после смерти отца, когда я принесла ему обувь для починки. И денег никаких не хотел брать, всегда так уважительно говорил о нашем отце.

ЕЛЕНА. Отец старался развить в нас доброе отношение к людям, волю, самостоятельность. Он сам был очень волевым. Когда врач сказал, что начало сдавать сердце и нужно бросить курить, папа тут же бросил папиросы и больше никогда не курил.

Мы выросли, вышла замуж Галя, старшая сестра. Я собиралась поступать в ее же институт, подала свои документы, но... папу тогда арестовали в первый раз. Меня, конечно, не приняли. Это был 1929 год. Правда, папу скоро выпустили. Он объяснял это не только своей полной невиновностью, но и тем, что объявил голодовку.

Весна 1930 года. Родители поздно приехали из театра. Все спали, когда позвонили в дверь... Я открыла, вошли несколько человек...

Когда папа уходил, он сказал, как многие тогда: «Это недоразумение, я скоро вернусь».

Маму арестовали через несколько месяцев. На допросах от нее требовали написать, что сомневается в своем муже. Обещали, если напишет, отпустить к детям. Мама отказалась. Ее выслали в административную ссылку на пять лет в Сибирь.

ЕЛЕНА. Старые папины друзья не оставили нас. Родители очень любили Лию Исааковну Цукерман, которую знали еще по эмиграции, где она получила образование. После гибели отца она приняла во мне огромное участие, взяла к себе на работу, обучила микрофотографиро-

ванию, вообще заменила мне родителей... До последних дней жизни эта прекрасная женщина верила в невиновность отца.

ИЯ. В 1932 году, после окончания семилетки, я пошла работать рассыльной в библиотеку, все надеялись, что мама вернется в Москву, но получили отказ. Когда срок маминной ссылки кончился, я уехала с ней в Воронеж. Там стала работать в городской библиотеке, вышла замуж.

Позже маме разрешили переселиться в Малоярославец, но не в Москву.

ЕЛЕНА. Мама долго болела, кто-то из нас постоянно был около нее. В 1939 году мама умерла на наших с Галей руках. Осиротели совсем...

ИЯ. В июне сорок второго в Воронеж пришли немцы. Я с маленьким сыном бежала из города. В дачной местности Березовая роща на ночь залезла в погреб. Там уже были женщины, тоже с детьми.

Наутро пришли немцы, запретили из погреба выходить. Я ночью пробралась на огороде за овощами. Надо же было всех кормить.

К великому счастью, скоро вернулись наши, фашистов прогнали. Нам предложили уходить в глубь страны.

Пешком, на попутных машинах и поездах к декабрю добралась до Тюмени.

Стала работать на мотоциклетном заводе. Специальности не было, но приходилось делать все, рабочих не хватало. Я была одновременно разметчицей, нормировщицей, кладовщицей, табельщицей, затачивала резцы, выдавала хлебные карточки, а еще выпускала «молнии». Работала без выходных, часто совсем не выходила с завода.

Сынок почти все время лежал в больнице — сказались голодные месяцы.

В 1944 году наш завод перевели в Горький. Когда его закрыли — перешла в цех холодной прокатки завода «Красная Этна», позже стала оператором в термичке.

Выбирали меня председателем завкома, членом партбюро, и много других общественных поручений выполняла.

До выхода на пенсию восемь лет подряд была депутатом городского Совета, членом пленума райкома партии.

Сейчас (письмо написано в 1986 году) работаю ночным дежурным в райисполкоме. Нас троих в шутку зовут «ночными председателями».

Имею награды. О себе, кажется, все.

Теперь о сыне. Константин родился в феврале 1941 года. Когда началась война, его отец уехал с заводом, больше я его не видела. Сына растила одна. Мамину просьбу я выполнила — не только сына в честь деда назвала, но и фамилию дала свою, все мы Акашевы.

После семилетки Костя поступил в ремесленное, потом стал электриком, учился в вечерней школе.

Работали мы в одном цехе. Завод послал Костю в Политехнический институт. Сейчас на родном заводе — мастер электриков, член партии.

Его жена, Светлана, тоже с нашего завода.

Внуки мои: Родион заканчивает десятилетку, Дмитрий в седьмом. Живем все вместе, очень дружно и хорошо. Радуюсь я за молодых.

Через год я поздравил Акашевых с рождением девочки. Костя со Светланой назвали ее в честь бабушки, есть теперь в семье младшая Ия Константиновна.

Вроде все просто, а сколько мужества, самоотдачи, веры в людей, в наше будущее в нелегкой жизни кадровой рабочей, «ночной председательницы» райисполкома. Сколько видишь в ней черт отца и матери, как сильно отпечатан «знак семьи».

Здесь самое место сказать о горьких, но важных документах, которые вернули доброе имя Константину Васильевичу Акашеву и Варваре Михайловне Акашевой, их детям и внукам.

«Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР. 28 января 1957 года.

...Постановление Коллегии ОГПУ от 3 апреля 1931 года в отношении Акашева К. В. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Акашев К. В. реабилитирован посмертно».

«Реабилитирован посмертно» ...Сорока трех лет от роду, верный солдат Октября пал от пули палача.

Где могила Константина Акашева? Где поклониться светлой памяти миллионов замученных, униженных, оскорбленных жертв сталинизма?..

Воздвигнем им памятник и высечем на нем: «Больше такого не допустим! Никогда! Простите...»

ПО СЛЕДАМ ВЫБРОШЕННОГО АЛЬБОМА

*«...Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине...»*

А. Пушкин.

Память об ушедших — вечная эстафета человечности. Никто не должен исчезнуть бесследно, на это и рассчитана жизнь, иначе она была бы бессмысленна. Даже о геростратах надо помнить в назидание поколениям. А уж о людях добрых — в особенности.

Хочу рассказать историю, которая выходит далеко за рамки случая, с которого началась.

Как-то мне позвонил один из читателей моей книги по истории авиации — москвич Г. П. Лазарев — и рассказал, что во дворе большого столичного дома увидел разбросанные возле мусорных ящиков фотографии старинных самолетов. Тут же лежал большой, очень толстый альбом, выброшенный кем-то за ненадобностью.

Альбом и выпавшие из него фотографии Лазарев забрал домой.

Мы встретились. Георгий Павлович передал мне свою находку, которая долгие месяцы хранилась у него и, как он сказал, «жгла душу» своей непристроенностью, ненужностью, как бы бесславным завершением судьбы владельца альбома. Открывалось это собрание фотографий портретом молодого подпоручика в форме артиллериста. На ней надпись от руки: «Август 1914 г.» Да это явно же выпускная фотография: все обмундирование новое, еще не «прилипли» к плечам погоны, на груди школьный знак, рука в кожаной перчатке браво заложена за поблескивающий ремень портупей. А вот и снимок во фронтовой палатке — молодые офицеры за походным столиком с горящими свечами. Первая мировая война. Дальше — новая страница жизни владельца альбома, сменившего артиллерию на авиацию: он в летном обмундировании около самолетов, на аэродроме, фотографии авиационных классов, мастерские... Множество семейных фотографий.

Кто же он — владелец альбома?

Замечая, что самые хорошие семейные снимки сделаны в одной и той же фотографии в Кронштадте. И на первом — портрет пожилого морского офицера, похоже, что это отец летчика. Немало снимков, отпечатанных прямо на открытках, сохранивших часть адреса, имя получательницы: «Мария Петровна». Обращение к ней начинается словами: «Милая мама!»

Изучение альбома, которое заняло всю ночь, походило на начало некой детективной истории. Я сличал, анализировал снимки, определял степень родства разных лиц. В двух девчушках, резвившихся около скромной дачи, «узнал» сестренку офицера. Долго рассматривал фотографию участников любительского спектакля, напомнившую собственную юность в Энгельсской школе военных летчиков, наши оперный и драматический коллективы, свои скромные роли и громкий провал в одной из пьес Островского... У меня сохранились точно такие фотографии, как эта: на фоне декораций отыгранного спектакля, премьеры. И коротко остриженный владелец альбома скорее всего был в ту пору юнкером, он сидит около седобородого красивого старца, очень похожего на В. И. Немировича-Данченко, тоже, наверное, их режиссера... Во-круг «актеры»...

Целая эпоха разделяет нас, а как все похоже: летная школа, самодеятельность, война... Молодежь, играющая в крокет, почему-то нами забытый, тоже напомнил мне детство...

Неужели все, включая детей, ушли из жизни? Неужели больше никому на свете не нужен, не дорог этот альбом?.. Страшно.

От этих невеселых мыслей меня отвлек целый «раздел» авиационных аварий, к счастью, благополучных: самолеты, уткнувшиеся носом в снег, лежащие на «спине», а один лежал поперек железнодорожной платформы, забросив крыло на крышу вагона! Аэроплан легкий, почти не разбит, чего не бывает в авиации. Сначала я не обратил внимания на вклеенный в альбом причудливый график, вычерченный на миллиме-

тровке, а главное, подпись под ним: «Полет на экзамен «на высоту» 26 апреля 1916 года. Продолжительность 58 мин. Высота 2800 м. Планирование 13 мин. Гатчина. Подпоручик Ильзин».

Значит, все это происходило в знаменитой Гатчинской школе, где артиллерист стал летчиком! Наконец-то!.. Следом еще одна находка — не замененная ранее визитная карточка: «Николай Петрович Ильзин. Военный летчик».

Что-то знакомое послышалось мне в этом имени. Почему-то оно ассоциировалось с именем моего школьного командира эскадрильи.

1935 год, Энгельс. За создание учебника теории и техники полета на У-2 и успешную подготовку кадров капитана Пестова награждают орденом Ленина. Мы все учимся по книге нашего командира. Но раньше... Точно, Пестов говорил нам о первом советском учебнике замечательного летчика Ильзина, у которого, кажется, он сам учился или тренировался! Неужели у меня в руках альбом самого Ильзина, фотохроника его жизни?! Нет, не случайны в альбоме красноразвездные самолеты.

После этих находок мне уж вовсе не до сна. Снимаю с полки, ответственной литературе по авиации, воспоминания старых летчиков, журналы, папки с архивными выписками... Начинаю с журнала «Вестник Воздушного Флота», созданного Акашевым в 1918 году. Просматриваю отдел хроники — рубрику «Подвиги красных летчиков». Есть! «Награжденные орденом Красного Знамени... красные военные летчики Ильзин, Никитин, Юнгмейстер и краслетнаб Бронников».

Во время бухарских операций, приведших к свержению эмирата и установлению Советской власти в Бухаре, наиболее отличился воздушный флот Бухарской группы... /Приказ по Туркестанскому фронту от 9 сентября 1920 года за № 483./»

На этой же странице краснолет Фаусек рассказывает, как их группа, летая с аэродрома в местечке Каган, обеспечила взятие Бухары, а эмир с остатками разбитой армии бежал к афганской границе.

После долгих поисков авиаторы нашли его отряд в песках и дали возможность кавалерии отрезать эмиру пути к бегству.

Летчик тридцатых — сороковых годов, я с безграничным уважением думаю о первых рыцарях воздушного океана, о Николае Ильзине, к судьбе которого прикоснулся. Мысленно представляю себе старые, в заплатках самолеты, с чихающими касторовыми маслом моторами, заправленные бог весть каким горючим, воспаленные глаза летчиков, отсыскивающих в желтом однообразии пустыни следы эмирского каравана...

Да, летать в те годы было не просто, а уж воевать...

Погрузившись в издания времен гражданской войны, день за днем ищущего его имя.

Тем временем получил письмо из Ленинграда. Мой давний и добрый корреспондент, историк авиации Владимир Васильевич Король подтвердил, что Николай Петрович Ильзин родился в Кронштадте, в семье офицера крепостной артиллерии. Там же окончил гимназию и по сто-

пам отца поступил в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил в августе 1914 года. Дальше — фронт, младший офицер в артиллерийской бригаде, через год — артиллерийский наблюдатель 23-го корпусного авиаотряда. Вот где молодому офицеру захотелось научиться летать самому. Уверен, что ему был известен путь в авиацию великого русского летчика Петра Николаевича Нестерова, который тоже был артиллерийским наблюдателем в подобном авиаотряде.

Закончив с отличием летную школу, Ильзин снова попал на фронт, откуда был отозван в Гатчину на должность инструктора-летчика. Там и застала его Октябрьская революция. Как принял ее молодой офицер? Ответ содержится в альбоме, куда им был вклеен переснятый плакат: впереди уходящей за горизонт массы вооруженных людей рабочий в кожаном фартуке несет на плече знамя с цифрой «1917», рядом крестьянин со вскинутыми вилами, солдат с винтовкой и флажком на штыке. «Граждане Свободной России! — зывает плакат. — Жертвуйте на памятник бойцам, павшим за свободу в Гатчине!».

Еще больше верность Ильзина Революции, доверие и уважение к бывшему офицеру подтверждает такой факт: летом 1919 года, когда Венгрия была уже Советской республикой, Николая Ильзина вызывают в Киев, чтобы оттуда лететь в Будапешт. Но летчика в пути сваливает сыпной тиф. Едва оправившись, он попадает в Туркестан, командует там объединенным авиазвеном, воюет самоотверженно.

Молодой России нужны красные летчики, а потому Ильзина направляют сначала в Ташкентскую, потом в Егорьевскую и, наконец, в Московскую авиашколы, где он заведует летной частью. А Ильзин еще успевает работать над учебником, думать о мирном применении авиации. На стареньком «Вуазене» он опрыскивает подмосковные поля химикатами, удобрениями, разрабатывая методику работы будущей сельхозавиации. Знают ли об этом нынешние аэрофлотовцы, помнят ли имя одного из своих пионеров?

Друзья дали Ильзину уважительное прозвище «Авиафанатика» — так беззаветно служил он любимому делу. Его близкий товарищ Борис Вахмистров, тоже воевавший в Туркестане, едва вернулся в Москву — сразу же отправился на Ходынский аэродром, к другу:

«Едва я вышел на летное поле, как услышал зычный голос Николая Петровича, что-то горячо объяснявшего группе курсантов около самолета «Авро». Увидев меня, он побежал навстречу:

— А, приехал, наконец! Лезь в машину, каналья!

Тут же пошли на взлет. И только на высоте тысяча метров, выключив мотор, он сказал: «Ну, здравствуй, Боба, здорово, я рад, что ты приехал. Поговорим, тут народу меньше, не так лезут...»

Энциклопедичность его знаний можно было назвать воистину необычной. Жизнерадостность его, — продолжал свои воспоминания Вахмистров, — была необыкновенна, и он ею заряжал окружающих...»

Эти воспоминания Бориса Вахмистрова были опубликованы все в том же журнале «Вестник Воздушного Флота», но начались они...

«29 сентября (1922 г.— Ю. Г.) в 7 часов вечера инструктор Московской авиашколы Николай Петрович Ильзин и уже окончивший школу учлет Васильев, первый на «Фоккере Д-7», а второй на «Ньюпоре-17» начали на высоте около тысячи метров примерный воздушный бой...»

Дальше трагическая картина столкновения двух самолетов: огненным факелом падающий «Ньюпор» и разрушенный «Фоккер», врезавшийся в землю... «Рядом с ним лежал Николай Петрович, вырванный из сиденья; руки на ручке управления, газ и контакт закрыты... Все говорит за то, что Ильзин еще в воздухе был убит осколком винта в момент столкновения.

Разбился искуснейший, осторожный, с огромным опытом летчик. Отчего? Зарвался, неосторожность, случайность, ошибка?.. Судей нет...»

Уходят рядовые и прославленные сограждане, и горят в огне, тлеют на чердаках, гниют на свалках бесценные свидетельства нашей эпохи, а иногда и нескольких эпох. Они не должны исчезать бесследно.

Эту грустную историю опубликовал «Огонек» (№ 11, 1987 г.), а я надеялся на отклик читателей, на их помощь в восстановлении биографии Николая Петровича Ильзина.

И помощь пришла!

* * *

«Прочитав вашу статью о диком поступке людей, посмеявшихся вынести на помойку бесценные реликвии истории нашей авиации, был крайне возмущен,— пишет из Калинина Владимир Васильевич Лавров.— Мне особенно больно было читать эти строки, так как посчастливилось видеть Николая Петровича на нашей старой Ходынке.

Мне было тогда тринадцать лет. При каждой возможности мы, мальчишки, ехали на старом московском трамвае № 13 мимо Триумфальной арки у Белорусского вокзала, мимо «Яра» до нынешнего Центрального аэродрома. Там ловко ныряли под колючую проволоку. Обратного нас выпроваживали редко, все понимая по нашим горящим глазам. На летчиков и мотористов мы смотрели, как на богов, на аппараты — с чувством глубокого благоговения... Николай Петрович... Как он летал на «Ньюпорах»!..

До войны у меня была его замечательная книга «Практика полетов». Скольким ему обязаны люди, авиация наша...»

Вот откуда начался путь автора письма в авиацию, которой он посвятил свою жизнь, которой верен и сегодня, продолжая читать лекции в Калининском аэроклубе.

А еще старый авиатор написал: «Может быть, перестройка сдвинет и книжное дело, появятся в магазинах книги о славной истории нашей авиации, которую мы плохо знаем. Нет у нас авиационной энциклопедии, хотя, скажем, в ГДР, как и во многих других странах, такие издания давно осуществлены».

Совсем недавно я случайно узнал, что такая энциклопедия готовится, но нет в ней имени Ильзина, первого Главкома К. Акашева, многих других выдающихся авиаторов. Скверно, что подобное издание задумывается келейно, кем-то, пусть даже очень авторитетным, утверждается список имен, перечень включаемых событий. Стоит ли спешить, не посоветовавшись с общественностью. Она есть в любом роде деятельности.

Вернемся к письмам. «Мой отчим и мать в начале двадцатых годов работали в Московской школе летчиков, — спешит сообщить из Армавира летчик Виталий Адольфович Эмерик. — Мы жили на Петроградском шоссе на даче 60, а Николай Петрович Ильзин рядом, в шестьдесят четвертой. Это были конфискованные у буржуев дачи, отданные под общежитие летчиков. Вместе с Ильзиным жил М. М. Громов. Гибель Николая Петровича произошла на наших глазах. Детей у него не было. Жена, Евгения Леонидовна, работала в клубе Московской школы «Крылья Советов», где преподавала танцы, а моя мать аккомпанировала ей.

После трагедии молодая вдова уехала в Петроград. В Москве остались мать Ильзина и две его сестры: Варвара и Нина Петровна...»

Журнал не газета, он продолжает жить, переходя из рук в руки. Продолжали поступать письма, даже из Америки от историка русской авиации В. Томича, живущего в Сан-Франциско, пополнившего свое собрание документов сведениями о Николае Ильзине.

Но самым важным для меня был телефонный звонок Светланы Тимофеевны Ильзиной, племянницы знаменитого авиатора. Светлана Тимофеевна сумела сберечь то немногое, что хранили бабушка и сестры летчика, в том числе и бабушкин альбом, частью повторяющий попавший ко мне. Сначала мы занялись «расшифровкой» альбома. Мне было неловко спросить — откуда Светлана Тимофеевна так хорошо знает жизнь дяди, его друзей, ведь ей не так уж много лет...

— Вот снова Мария Петровна, мама дяди Коли, а это он сам, маленький, тут сестры: Варя и Нина, моя мама. Мы жили все вместе в летном общежитии напротив аэродрома. Правда, я родилась после гибели дяди Коли, но Николая Петровича так любили, так уважали все родные, друзья за доброту, внимательность, веселый нрав, всегда его вспоминали, столько о нем говорили, что для меня он с детства близкий, знакомый до мельчайших подробностей человек...

Тут хочется привести несколько строк из письма Марины Александровны Федоровой, живущей в Ленинграде: «...Николай Петрович Ильзин — двоюродный брат моей матери. Мои родители тоже из Кронштадта. В начале века они переехали в Петербург, по месту работы моего отца — кораблестроителя... Я помню своего молодого дядюшку в годы его обучения в артиллерийском училище. В нашей семье он проводил свои отпускные дни. Дети радостно встречали его — доброго, сильного, балагура и затейника... Как много успел он достичь в такие сжатые сроки. Если б не катастрофа, жизнь сулила ему блестящее будущее.

В 1923 году я, тогда студентка ЛГУ, навещала мою бабушку Марию Петровну, тяжело переживавшую гибель любимого сына. В те дни я поняла, как искренне любили его друзья-летчики. При мне часто приходили М. Громов, К. Арцеулов, Б. Вахмистров и многие другие...»

Как совпадают отношения к Ильзину обеих племянниц: знавшей его с детства и не видевшей никогда, но глубоко воспринявшей эстафету памяти. Тогда, при встрече, Светлана Тимофеевна достала из сумки объемистую пачку фотографий. Вот снимки, которых не могло быть в альбоме, они сделаны сразу на месте катастрофы. Даже мне, не раз видевшему гибель друзей, трудно описывать такое... Траурный митинг на аэродроме, проводы на Новодевичье кладбище: оркестр, впереди длинной колонны поднят на древке, похожий на хоругвь треугольный вымпел. В центре его парящий в небе самолет, над ним два слова: «Безумству храбрых...»

Обсуждаем горестную историю с альбомом Ильзина.

— Я теперь поняла, как это могло произойти. Вместе с бабушкой давным-давно жила в Москве ее кронштадтская подруга, Екатерина Яковлевна Денисова, которая любила Колю словно родного сына. Прошли годы, Екатерине Яковлевне дали комнату на Красной Пресне. Так как у бабушки был свой альбом с семейными фотографиями, она, вероятно, взяла с собой альбом дяди Коли. Я часто бывала у нее, была и на похоронах, но ничего не знала об этом альбоме. Одного не могу понять, как люди, которые освобождали комнату Екатерины Яковлевны, то ли жэковские работники, то ли новые жильцы оказались такими варварами. Ведь его и поднять-то не просто: огромный, тяжеленный, незамеченным не выбросишь. Да ведь и полистали, наверное, какой грех взяли на душу...

Светлана Тимофеевна дарит мне несколько фотографий, и среди них открытка с портретом первого русского летчика Михаила Ефимова с надписью «Милой и славной Ниночке от М. Ефимова», это Светланиной маме. На другом, снятом знаменитым петербургским фотографом К. Буллой, — Ефимов с той же Ниночкой Ильзиной и ее приятельницей Паней. Значит, Николай Петрович был в достаточно коротких отношениях с Ефимовым, познакомил летчика со своей сестрой. Это редкая фотография.

Мы так увлеклись, что Светлана Тимофеевна не сразу вспомнила о пакете, который захватила с собой.

— Да, я принесла справки, которые присылал дядя Коля, несколько его писем... А вот вам и книга его «Практика полетов»...

— Светлана Тимофеевна!.. Да ведь это такая редкость... — Я тут же посмотрел выходные данные книги, выпущенной после гибели ее автара в 1924 году. — Смотрите, тираж всего пять тысяч экземпляров... И вышла она, как я догадываюсь, стараниями его друзей.

Бегло перелистав книгу, восхищаюсь ее разумной рациональностью, богатством иллюстраций художника Ев. Майсурова, простотой и наглядностью схем и чертежей... Потом, как бы снова превратившись

в курсанта летной школы, прочитал все от корки до корки. Да, старая техника, ограниченное оснащение приборами, но так все ясно, так понятно и увлекательно, столько в ней ценнейших советов и практических примеров, что, кажется, «заочно» можно обучиться полетам.

Еще легли на стол журналы двадцать второго года с некрологами, истершийся на сгибах номер газеты «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» за 1 октября 1922 года. Формат газеты много больший, чем нынешние «Известия». На четвертой полосе выделено сообщение «Катастрофа в воздухе», где со всеми подробностями описана трагедия на Ходыньском аэродроме. Ниже вторая публикация: «Памяти красных орлов» — «...гордости Красного Воздушного Флота — известнейшего, одного из лучших летчиков республики, краснознаменца Николая Петровича Ильзина и курсанта, красного орла, товарища Кирилла Васильева». Завершается некролог для нас непривычно: «...У Ильзина, кроме посмертной славы, осталась еще семья...

Пусть каждый красный орел... будет уверен, что его дети и старики родители всегда будут предметом самой предупредительной помощи и сердечной поддержки со стороны Рабоче-Крестьянской республики».

Немым укором искренней вере людей двадцатых годов в благородство граждан своей республики лежит у меня альбом Николая Ильзина, кем-то из нынешних граждан выброшенный...

Оставшись один, разбираю старые документы, письма и все отчетливее представляю себе юного Николая Ильзина, испытываю его обаяние.

Письмо с фронта: «Секретно. Не подлежит оглашению.

Милая мама!

У меня недавно произошла комбинация, в конечном результате которой пришлось вас побеспокоить. Дело в том, что в бою я был слегка контужен и ушиблен лошадью. Тогда же наш доктор дал мне свидетельство о контузии, мотивируя это так: «Сейчас у вас нет ничего, но, может быть, эта контузия даст себя знать после, и тогда вы, имея свидетельство, можете обратиться в Комитет попечения о раненых и получить пособие». Но дальше свидетельство попало в приказ. И вот, чтобы вас предупредить о возможном появлении моей фамилии в газете, в рубрике «контужены», я и пишу вам. На самом же деле «контузия» не стоит выведенного яйца... На этом месте «секрет» кончается.

Теперь у меня открылось новое поле деятельности — в бригаде получен приказ о разрешении стрелять из одного орудия по аэропланам. В нашей батарее командир поручил это дело мне. Стрелять буду по очереди — на счастье всех знакомых мне женщин. Таким путем я узнаю, кто из вас самый счастливый, так как каждый раз шансы попасть в аэроплан остаются совершенно одинаковыми.

Пишите. Поклон всем. Здоров, целую, Коля.

14 декабря 1914 года».

Прошло пять лет, Ильзин на новой войне — гражданской.

«30 января 1920 года.

Милая мама! Кроме одного письма — ничего. Но ведь сын-то у вас один, и притом служит в Красном Воздушном Флоте, и, право, его забывать бы не стоило... Понял, что вы с Женей (жена Ильзина.— Ю. Г.) собираетесь ехать в Ташкент. Оно тоже недурно, но примите во внимание, чтобы не замерзнуть по дороге и не попасть в голодовку.

Я здесь пробуду до взятия Красноводска и только тогда буду хлопотать о возвращении в Ташкент.

Ем, сплю до отвала и еще два раза. В общем, здесь жить можно, только без полетов скучно, а непогода зарядила уже третий день, да еще с морозом. Компания ничего, мотористы — тоже... Сообщите, как Бобино здоровье и что думает делать отряд, пойдут ли на фронт?..»

Коротенькое письмо от 26 марта: «Милая мама! Завтра лечу в Хиву и думаю, вернусь через месяц. Посылаю подарки и деньги. Не стесняйтесь средствами, главное — будьте здоровы и питайтесь. Целую. Коля».

Среди полуистлевших документов — сложенная вчетверо бумажка. Телеграфный бланк: «Срочно. Ильзиной... Из Кургана. Курган благополучно. В дороге вынужденная посадка, недостаток бензина. Телеграмм не присылайте до Новониколаевска. Передайте Ксении Александровне уверенность растет. Громов».

Так это же знаменитый Михаил Михайлович Громов! Из дальнего перелета он сообщает о себе по-прежнему близким друзьям Ильзиным. Знаки препинания в телеграмме оставил я. Итак, в Курган он прилетел благополучно, телеграмм до Новосибирска (Новониколаевска) велит не слать. Куда же он летит, в каком году это происходит?

Еще одна громовская депеша, уже из Иркутска: «Ждем погоду. Пришлите телеграмму — получены ли деньги. Из Урги дам телеграмму. Горячий привет».

Вот теперь мне все понятно: год 1925-й, Громов шлет послания из перелета, который станет знаменитым, Москва — Пекин. История авиации еще не знала такого колоссального группового перелета — 6 500 километров через Урал — Сибирь — Монголию — пустыню Гоби, хребты Укалгана. С газетных полос не сходят имена героев-летчиков: М. Громова, А. Волковойнова, А. Екатова, И. Полякова, П. Найденова, А. Томашевского. Проект перелета был разработан одним из старейших русских летчиков, Харитоном Славороссовым.

Все эти славные люди знали Ильзина — работали с ним, воевали вместе, дружили, как Громов. Не случись той трагедии, может быть, и Николай Петрович был бы в этом строю...

Перебираю документы, принесенные Светланой Тимофеевной Ильзиной. Снова война, Отечественная. Читаю письмо со штампом: «Просмотрено военной цензурой. Ленинград». Пишет Евгения Леонидовна, вдова летчика, пишет золовке — Варе Ильзиной: «...Болезна, совсем не ходят ноги», а ко всем бедам: болезни, голоду, маленькой пенсии, всего шестьдесят шесть рублей — «отсутствие вещей для продажи делают мое положение весьма трудным... Всем тяжело». Но живет и память о прошлом: «Хорошо вспомнить былые годы! Ташкент, Москва до двадцать

второго года, лучшие годы моей жизни. Колин чудный характер, ваша, дорогие мои сестрички, любовь, много работы, много семейного уюта, много друзей и (о чем сейчас помнится) много еды... И какая-то уверенность в будущем — все это создавало фундамент для счастья...»

Какое грустное и одновременно светлое письмо. Как много дарит людям добрая память, как согревает в дни невзгод, как переносит хорошие чувства на окружающих, воспитывает живущих, пестует юных.

Нет, не забыт Николай Ильзин и будет жить, порукой тому слова старой ленинградки Марины Александровны Федоровой: «От всего сердца благодарю Вас за публикацию, вернувшую нам прекрасный портрет Николая Петровича Ильзина, который будет свято храниться в моей семье».

Этим я и хотел закончить, но раздался телефонный звонок из Ленинграда, отыскавший меня в подмосковном Доме творчества Переделкино:

— Здравствуйте, наконец-то я вас нашёл! — Это звонит внучатый племянник Николая Петровича Ильзина, полковник авиации Андрей Николаевич Жданов. — Как вы могли подумать, что Николая Петровича забыли близкие? Да в нашей семье я с детства слышу о нем столько историй, кроме авиационных. Например, мама рассказывала, как он был у них на Урале и усмирлял необъезженную лошадь. Она ударила его об забор, сбросила, едва не покалечила. Так он, оправившись через недельку, все равно подчинил себе норовистую лошадь. Характер, а? А вы много писем получили?.. Прекрасно, такого человека забыть невозможно. Да я и в авиацию пошел, наслушавшись рассказов о дяде Коле. Вы извините, что звоню, но просто должен был сказать все это... И все же есть к вам огромная просьба, мама мечтает хотя бы об одной фотографии из этого альбома... Пришлете? Как мы вам благодарны...

СОДЕРЖАНИЕ

Первый Главком	3
По следам выброшенного альбома	44

Юрий Мануилович ГАЛЬПЕРИН

ПЕРВЫЙ ГЛАВКОМ

Очерки

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковычченкова

Сдано в набор 09.06.88. Подписано к печати 29.07.88.
А 10383. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарни-
тура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Учетно-изд. л. 3,23. Тираж 150000 экз.
Заказ № 2557. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типо-
графия имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда», 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.